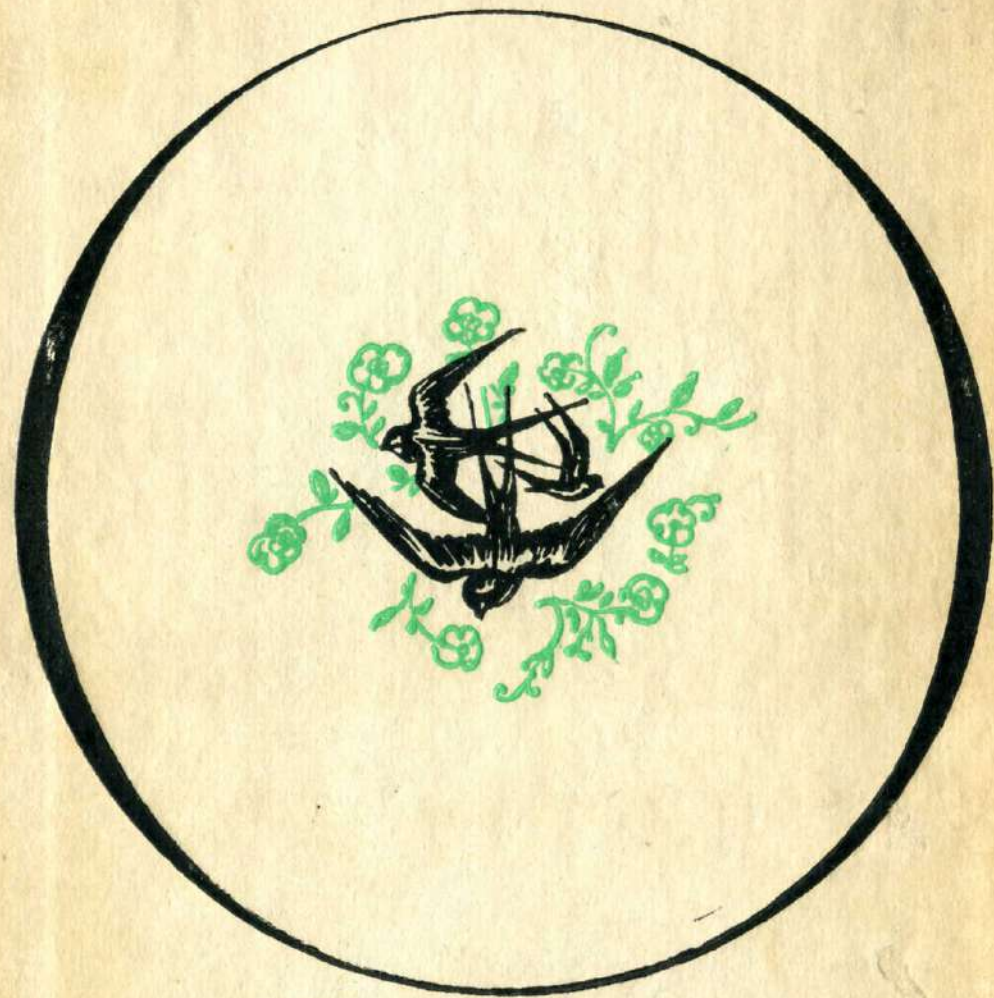

Юрий Кузнецов

• СТИХИ •

Юрий Кузнецов

•

СТИХИ

Издательство
„Советская Россия“
Москва
1978

КНИГИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА

«Гроза». Краснодар, Краевое кн. изд-во, 1966.

«Во мне и рядом — даль». М., «Современник», 1974.

«Край света — за первым углом». М., «Современник», 1976.

«Выходя на дорогу, душа оглянулась». М., «Молодая гвардия», 1977.

К $\frac{70402-194}{M-105(03)78}$ 133—78

© Издательство «Советская Россия», 1978 г., составление, статья.

«РОЖДЕННЫЙ В ФЕВРАЛЕ, ПОД ВОДОЛЕЕМ...»

Предваряя книгу избранных стихотворений словом к читателю, хочу остановить внимание на тех событиях и фактах своей начальной биографии, которые сыграли роль поворотных в моей судьбе и стали темами многих стихов. К ним я буду возвращаться, видимо, еще не раз.

Моя биография началась, можно сказать, еще до моего рождения, — когда мои родители впервые увидели друг друга. Все, что происходило с ними, отразилось и на мне: предвоенная, напряженная жизнь отца, кадрового офицера, тревога беременной матери, под давлением обстоятельств почти решившейся на отчаянный шаг. Но я родился, вопреки всему, в феврале 1941 года, на Кубани. О том и написались стихи «Рожденный в феврале, под Водолеем...». Правда, я позднее узнал, что «под Водолеем...» И «взял от жизни сполна»: и войну, и любовь, и революцию — два года провел на Кубе, захватив так называемый «карибский кризис».

В первые же дни войны отец ушел на фронт, а мы переехали на его родину, в село Александровское на Ставрополье. Осенью 1942 года мы очутились по ту сторону фронта, а отец по другую — в районе Моздока. По рассказам матери я ясно представляю следующую картину. При наступлении наших войск в серые январские дни над Александровском висел орудийный гул. И вдруг он смолк. К нашим воротам, сбитым из глухих досок, подъехал «виллис», — ветровое стекло перерезано свежей пулеметной очередью. Звякнуло кольцо калитки, и мать обомлела: перед ней стоял мой отец.

— Я так торопился, — сказал он. — Среди секретных документов, которые мы захватили, в списке предназначенных фашистами к расстрелу я увидел нашу фамилию... Что ж, я успел...

Это последнее, что успел отец. Он погиб в 1944 году в Крыму. Воспоминания об отце, о минувшей войне — один из главных моих мотивов.

Селу Александровскому я обязан своим первым воспоминанием. Мне было с небольшим два года. Помню, как долго открывал тяжелую калитку с высоким кольцом, ту самую, перед которой недавно стоял отец. Выйдя на улицу, я увидел сырой, мглистый, с серебристой поволокой воздух. Ни улицы, ни забора, ни людей, а только этот воздушный сгусток, лишенный очертаний. Конечно, такое воспоминание не случайно. Это было то самое туманно дремлющее семя, из которого выросло ощущение единого пространства души и природы. Возможно, в этом и следует искать объяснение «космической туманности» некоторых строк о природе и человеческой душе, которые встретит читатель в этой книге.

Затем мы переехали в Тихорецк к деду и бабке, у которых была саманная хата с участком. В истории он ничем не примечателен, этот тихий городок, если, правда, не считать двух фактов. Когда-то через него проезжал Марк Твен, и, как свидетельствует его записная книжка, на станции у заморского классика исчез чемодан с бельем. Да еще по окрестным полям проскакал за поездом маленький жеребенок, которого из окна вагона заметил Есенин и обессмертил в своем «Сорокоусте».

Мой дед любил выходить по вечерам во двор и смотреть в небо. Он долго глядел на звезды, качал головой и задумчиво произносил: — Мудрёно!

В этом словце звучала такая полнота созерцания, что его запомнили не только его дети, но и внуки. А мне он дал понять, что слово значит больше, чем оно есть, если им можно объять беспредельное.

Свои первые стихи написал в девять лет. И долго писал просто так, не задумываясь, что это такое, и не заметил, когда стихи стали для меня всем: и матерью, и отцом, и родиной, и войной, и другом, и подругой, и светом, и тьмой.

В школе считался способным, но рассеянным и ленивым учеником. Во мне как-то уживались застенчивость с порывами удалства. Любил ездить на буферах и крышах проносившихся поездов, а порой — сидеть у тихой степной речки и слушать под кваканье лягушек что-то свое. В кругу моих школьных друзей составлялись небывалые планы

на будущее, носились невероятные мысли и замыслы — от налета на колхозный сад до создания новой Вселенной. Многие забылось, улеглось, но кое-что так и не выветрилось: детский дух свободно распоряжаться собой и миром. Думаю, стихи, отмеченные этим духом, читатель почувствует без труда.

Однажды я показал соседу-журналисту тетрадку со своими стихами.

— Не то! — строго сказал он. — Напиши о машинисте или о доярке.

Это был мой первый наставник, но я к нему сразу почувствовал глухую неприязнь. Такова была участь всех моих наставников: они меня не понимали.

Я написал о трактористе и послал в районную газету. Там оно и появилось, мое первое печатное стихотворение. Это случилось в шестнадцать лет. То-то было радости. Однако «не того» я не бросал. Такое, правда, не печатали, отвергали. Но я ждал.

И вот как-то зашел вдруг инструктор из райкома комсомола.

— Звонили из Краснодара, — сказал он, — одобряли твои стихи. Вечером еще будут звонить в редакцию. Иди и жди...

Все во мне взмыло на недосыгаемую высоту и запело. Неважно, кто звонил. Главное, от туда! Об этом мгновенно узнали соседи. На меня приходили смотреть.

— Господи! — говорили моей матери. — Что у него за лицо!..

Прибежал я в редакцию и сел у телефона. Припомнил: я послал стихи куда-то, в Краснодар, а может, еще куда?..

Невероятные мечты и предположения носились в голове. Я как бы заснул в них. Меня разбудил звонок. Кто-то хвалил мои стихи, особенно строчку: «Выщипывает лошадь тень свою». Кто-то сообщал, что на днях проездом будет на нашей станции, так чтоб я его ждал на перроне.

Но в условленный день никто ко мне не подошел, и поезд просвистел мимо.

Что же я тогда ждал, что ко мне сам Гете будет спешить?..

Неважно, кто звонит, и даже неважно, откуда звонят. Но тогда я об этом не знал.

И все-таки в той самой строчке о лошади уже таилась эта книга. А звонок... Что ж, я о нем вспомнил, когда писал поэму «Золотая гора». Наверно, он и был тот самый «извет о золотой горе», на которую желают взойти все, кто пишет прозой или стихами.

Юрий Кузнецов

Август, 1977

ПОЭТ

*Спор держу ли в родимом краю,
С верной женщиной жизнь вспоминаю
Или думаю думу свою,—
Слышу свист, а откуда — не знаю.*

*Соловей ли разбойник свистит,
Щель меж звезд иль продрогший бродяга?
На столе у меня шелестит,
Поднимается дыбом бумага.*

*Одинокий в столетье родном,
Я зову в собеседники время.
Свист свистит все сильнее за окном —
Вот уж буря ломает деревья.*

*И с тех пор я не помню себя:
Это он, это дух с небосклона!
Ночью вытащил я изо лба
Золотую стрелу Аполлона.*

1969

ПУСКАЙ ОСТАНЕТСЯ ВО МНЕ...

Пуškai останется во мне
Избыток вдумчивого детства.
О! Как приятно в тишине,
Совсем не думая о сне,
Перебирать свое наследство.

И хоть прошло немного лет,
Но вспоминаешь: «Вот когда-то...»
Когда еще кутил сосед,
Когда был крепок старый дед,
Когда была новее хата.

Когда...» От этого «когда»
Скрипят тесовые ступени,
Под ветром стонут провода.
Горит, горит моя звезда,
И от друзей ложатся тени.

1955

НОЧЬ В ЛЕСУ

Не шумит дубовая ветка,
Затихает и мглился лес.
Желтый лист отзовется редко
На рассеянный свет небес.

Рядом слышится терпкий запах—
Это хвои коснулась рука.
Только сонно течет на запад
Среди темных деревьев река.

1956

* * *

Желтеет сурепка-разлука,
Полынь и суха и седа.
В степи коридор перезвука,
Как пыль, волокут поезда.

Товарищ, уйдем за посадку,
Где воздух прозрачный, как спирт,
Чтоб города мертвую хватку
Заклясть шелестением скирд.

1957

* * *

Обзакатились с яблони листья,
В звездный сумрак пути разошлись.
Провода над забором повисли,
Как тяжелая смутная мысль.

Посреди этой скуки и грусти
Стынет лужа с забытым шестом.
И в немый стакан захолюстя
Цедит дуб желтый лист за листом.

1957

* * *

Оскудели родные степи,
Вместо солнца дыра взойдет.
Я надену блатное кепи
И пойду с кирпичом на завод.

Дай мне бог одолеть зевоту,
Мы еще стариной тряхнем.
Пусть начальник дает работу,
Чтобы ногти сошли с огнем.

Э, да что говорить словами!
От деревьев летят лучи.
Я прощаюсь, деревья, с вами,
Листья падают, как кирпичи.

Я снимаю блатное кепи.
На безрыбье сойдет и рак.
Промотал я родные степи,
А завод подождет и так.

1957

* * *

Спеленал провода
Белый снег.
До весны ни следа —
Как во сне.

Только светит сквозь жизнь
Белый лоб.
На забор опершись,
Спит сугроб.

Сон качает легко
Провода.
Широко... Далеко,
Ни следа.

1958

НА РЕКЕ

Желтеет за нахохленной станцией
Далекими кувшинками река.
И, уплывая в длительное странствие,
Цепляются за звезды облака.

Уходит деревень забытый облик —
В туманах жизни зернышко судьбы.
А в речке заблудившееся облако
Встает перед баркасом на дыбы.

Я снова здесь под облаками древними
О родине негромко говорю.
И снова за прибрежными деревьями
Выщипывает лошадь тень свою.

Под утро станет звякать каплей с ветки
О патронташи тракторных следов.
И я поставлю на окно соседке
Сырое пламя сорванных цветов.

1958

* * *

Отчего ты грустна, невеличка-синичка,
Отчего не поешь про свои виражи?
Ты одна у меня, как подмокшая спичка
Темной ночью оставленной кем-то души.

Расскажи, как по синему небу летала,
Как по синему небу летала, звеня.
Много синих морей подожгла и устала,
И усталым крылом зацепила меня.

1958

ГРОЗА В СТЕПИ

И вот уже грохот, сумятица, визг,
Метут проливные потоки.
Под низкой подводой не скряться от брызг,
И в брызгах, как в родинках, щеки.

В глубоком кювете грызутся ручьи,
А тучи трещат, как арбузы.
Под ливнем высоким шершав и плечист
Неубранный лес кукурузы.

Глазастая хата — в размытом краю,
А ветер до скрипа развинчен.
И капли с куриным упорством клюют
В прорехи дубового днища.

Я лезу под ливень, под гром горловой,
Я падаю в буйную небыль.
И насмерть над самой моей головой
Зарезано молнией небо.

1958

* * *

Надо мною дымится
 пробитое пулями солнце.
Смотрит с фото отец,
 измотанный долгой бессонницей,
Поседевший без старости,
 в обожженной измятой каске.
Он оставил мне Родину
 и зачитанных писем связку.
Я не помню отца,
 я его вспоминать не умею.
Только снится мне фронт
 и в горелых ромашках траншеи.
Только небо черно,
 и луну исцарапали ветки.
И в назначенный час
 не вернулся отец из разведки...
Мне в наследство достался
 неувиденный взгляд усталый
На почти нехрустящей
 фотокарточке старой.

1959

МОРСКАЯ ВОДА

Море синее, самое синее,
В белой пене и тающем инее.
И красиво мне под ноги падает
Поседелая синева.
Синеву я черпнул ладонями
И всмотрелся глазами влюбленными,
Но вода оказалась без цвета,
Откровенна и нежива.

Ты красивая, очень красивая,
Говорят, что ты очень красивая,
И, признаться, такой красивой
Я не видел еще никогда.
Но мне кажется, странно кажется —
Полюблю я тебя и окажется,
Что вблизи ты совсем другая,—
Как в ладонях морская вода.

1959

* * *

Впервые я встретился с девушкой,
Луна, как вода мерцала... впервые был час разлуки.
А девушка удивилась: Я за руки просто взял.
— А вы отогрейте своими — Какие холодные руки!
Но девушка рассмеялась — руками,— я так сказал.
Оно на свету сияло, не видел лица я краше,
Так близко еще я не был, а я перед ним впотьмах.
Да так и стоял с холодными и думал: а что же дальше?
руками в ее руках.

1960

БОГАТСТВО

Что таиться,— я был из ловких,
Вырвигвоздь и большой нахал.
На автобусных остановках
Я свидания назначал.

Ах, умею я целоваться,
И рукам я волю даю.
Но сберег я свое богатство —
Никому не сказал: люблю.

1961

* * *

Я всматриваюсь в девушку,
идущую мне навстречу,
и никак не пойму —
почему она не останавливает на мне
свой вопрошающий взгляд.
Ведь, наверное, мы никогда не встретимся вновь,
а я уже немного влюбился в нее.
Но она проходит,
и я чувствую, что сейчас я теряю то,
чего еще не нашел.

1961

ПЛОТ

Я по речке сплавливаю льдины плотов,
Девки с берега машут жар-птицей платков.

У меня под ногами бездны гудят,
У меня под руками птицы летят.

Голубая вода, голубой небосвод,
Плот меж ними раскинут — ковер-самолет.

1961

ПЕСНЯ

Саман, на солнце замешенный,
Поют голубые пилы
И дом высоко вздымается,
Сквозь дым магарычной сивухи
Он оперяется ставнями
Хозяйству сулит исправность,
И бабка вместо иконы
Так память щебечет и свищет
Но память меня уводит
Окно сорок первого года
Отец, уходя из дому,
Детей и родные стены,
Мы жили в горящем доме —
Гнала часовая стрелка

расходится крупной оспой,
на разные голоса.
в огнистых саманных остях,
и лай молодого пса.
и красным пером черепицы,
а счастью — вид на степь.
вешает клетку с птицей,
в плену облаков и стен...
в изодранный палисадник;
выбито на закат.
шершавой рукою гладит
а стены уже горят.
об этом никто не знает,
тринадцать часов — за час.

...Безногий солдат на рынке
«Раскинулось море широко»,
А дом одряхлел с годами,
Стоит с костылями подпорок,
По крышу засосан вишнями —
Номер, как марка, отклеился,
Я помню сверчка сверканье,
Траву с прошлогодней пылью
Надтреснутый голос деда,
Что на колоду денег
Меня засыпает солнце
Я стою у калитки —
И уйду последним.
Любимой песней, которую

на гибкой пиле играет
которого нет у нас.
как старый сугроб, осунулся.
печною дырой свистя.
не сразу заметишь с улицы.
вот-вот полетит с гвоздя.
открытые небом двери,
и горизонт за двором,
он говорит и не верит,
пора поменять наш дом.
и птичья разноголосица.
чужие кругом спуют.
И дом до меня доносится
другие теперь поют.

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Луна в грязи по колено. В черном снегу городок.
 Заигранный, как пластинка, хрипел по утрам гудок.
 А у ларьков по суткам составы очередей.
 Хлеб выдавали по карточкам, и не было хлеба вкусней.
 Мать его приносила, я ее дома ждал.
 Я в руки буханку теплую, как котенка, брал.
 Он обдирал мне десны и на зубах скрипел.
 Я в детстве другого не видел, но горд, что его я ел,—
 Такой же дымный, колючий, прыщавый, сырой, рябой
 В окопах отцам выдавали, и те уходили в бой...

1961

НАЧАЛО

Город на юге, лавки.
 Стрекозы, жуки и бабочки
 Повестку военкомата
 Сгинь, бестолковая птица!
 У генерал-сержанта
 Сено-солома, стройся!
 Псам детства медали выдадут,
 Айда через пень-колоду —
 ветки растут широко.
 промигивают насквозь.
 мне принесла сорока.
 Мама, не надо слез!
 кадык и глаза навывкате.
 Допишешь стихи потом.
 у юности зубы выпадут,
 по родине пыль столбом.

В столбе крутящейся пыли
 На шее моей повисла
 Я выстроил вдоль вагона
 В гробу я теперь увижу
 я нарасхват танцую.
 веселая гроздь подруг.
 семьдесят поцелуев...
 семьдесят злых старух.

Рыдал крокодил пространства,
плакал орел, свистели
Узкие щели окон...
Глядел я из темноты.
И песни, что знал по улице,
охрипнув, орал со всеми.
А после мы спали в обнимку,
раскрыв, как от песен, рты.

1961

НАРЯД НА КУХНЮ

Гремел вагон, расшатан и раскачан.
Мелькнула Волга, и Урал пропал.
И вырывался из котлов горячих
Лосиными рогами крепкий пар.
Я был в наряде, с папиросой, весел.
Я мясо, как белье, перемывал.
И сорок тысяч комсомольских песен
Под клокотанье пара распевал.
Свистал дырявый пар в тумане сером,
На наши лица налетал рассвет.
Я поварешкой — с небеса размером —
На остановках раздавал обед.
Я мыл котлы дымящейся водою,
До волдырей ладони припекал.
Доил, как вымя, тряпку над ведерком,
И крепкий мат мне душу отпускал.
Судьба моя на высоте решалась.
А сам я шлифовал седое дно,
Пока в пустом котле не отражалось
Мое лицо, как звездное пятно.

1961

БАГУЛЬНИК

Тайга свистала и стонала,
В тумане рушилась вода.
Я видел: девочка стояла,
В багульник, как в пожар, войдя.

Ее распахнутые волосы
Светились сполохом росы.
И было что-то в ней от вольной
Восточной медленной красы.

Она меня не замечала,
Ждала волнений и любви,
Как будто зарево, вздымала
Глаза тревожные свои.

1962

СВЯЗЬ ДАЮ

В солончаках, где путь неровен,
Прошли учебные бои.
Я был худой. Гармонью ребер
Играли легкие мои.

Я связь давал и чуть не падал,
Тонули сапоги в песке.
Но уходил с катушки кабель,
Как будто рыба на крючке.

А после сон, как бич, повальный
Сбивал с земли в единый миг.
И поплавком клевал дневальный
В тяжелом море снов моих.

Я спал, но пот с лица все капал,
Как будто я в песке завяз
И все тянул проклятый кабель,
Хотя давным-давно дал связь.

1962

В КАРАУЛЕ

Ходил впотьмах в траве большой и хрупкой
Штыком, еще мальчишка, оперен.
И шорохи я всасывал, как губка,
И сочинял — как будто жил сквозь сон.

Мир приходил с луной, росой залитой,
Напевно ненавидя и скорбя.
Стихи, они давили, как сонливость,
Я тщетно отгонял их от себя.

Я слышал: тишина в ночи дрожала,
И лязгало, и шло в штыки жнивье.
Раскинув руки, тихо степь лежала,
Она спала.

А я стерег ее.

1962

СОН НАКАНУНЕ УЧЕБНОЙ ТРЕВОГИ

...Я шел на ночные выстрелы
в болота, в колючки, в травы —
Туда, где бродили банды,
как будто в двадцатых годах.
Мы спали на карабинах,
засунутых под матрасы.
Лежали подсумки черствые
у каждого в головах.
Птица срывалась с воплем —
ей человек приснился.
Одни петухи по-русски
крыли во весь предел.
Свалилась одна палатка,
один сучок надломился,
Одна звезда полетела,
еще один — поседел.
Дрожащая тварь — цикада
трещит под ногой, не смолкая,
О прахе забытых предков,
и светит луна в окоп...
Мы только любили землю,
друг друга не понимая.
И нас целовали пули,
как мать на прощанье, в лоб.

1962

* * *

Вернусь на родину — суровый...
Вот дом, где мать сидит и ждет.
И бережет мои обновы
Три длинных года напролет.

Она от радости заплачет,
Как много раз в солдатском сне.
И в нафталин мундир запрячет,
«И то добро!» — примолвит мне.

Я вспомню пыль под сапогами,
Походных труб огонь и медь.
И стисну голову руками,
И долго буду так сидеть.

1963

* * *

Я лежу на жестоком одре из досок,
Неуютный кулак подогнав под висок.

В кулаке, словно нитка, зажата струя —
След на Родину, пенистый путь корабля.

Как ревет он под ухом, как дышит бедой,
Тот натянутый в сумерки путь молодой.

А когда наконец засыпаю — кулак
Разжимается.

Нить обрывается...

Мрак.

1964

БОРОДАЧ

Я люблю слушать вздор
И болтать, и снежинки веснушек
В чьих-то темных подъездах
Губами собирать, как слепой.
Это все я люблю.
Я недаром под вопли лягушек
Был счастливым, как пробка,
И вечным, как прах и любовь.

Кто меня надоумил
За каждой косой волочиться
И стоять, как баран,
По привычке у новых ворот?
Я, наверно, устану...
Когда-нибудь это случится!
Сяду в толстое кресло
И вытяну ноги вперед.

И тогда моя лысина
Станет притягивать лампы.
А моя борода
Из-под ног потечет в океан.
Хор старух пропоет
В честь моей бороды дифирамбы,
И по ней поплывут
Корабли к островам обезьян.

1964

МЕЧТА

Ты чувствуешь — я хороший,
Но дальний, но непопутный.
Сквозь встречи и листопады
Я за тобой слежу.
Ты смело идешь по бритве,
По молодости, по буре.
И держишь небрежно сумочку,
Похожую на слезу.

Я душу пушу на ветер,
На поезда, на мгновенья.
Я тело свое покину
На черное воронье.
Нельзя, чтоб прошло бесследно
Мерцающее сновиденье —
Надменное,
Ледяное,
Чужое лицо твое.

Последняя сигарета
В зубах у меня крошится.
Я выкурил столько мужества,
Но не решусь никак.
А вдруг я тебя придумал!
Мне страшно мечты лишиться.
Закрою лицо руками.
Пусть все остается так.

1964

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Бумажного змея пускаю в зенит.
Как он поднимается быстро!
Обрывки газет, нанизавши на нить,
Я ввысь посылаю, как письма.

А он ни за что не вернется в мой дом!
На письма ответа не будет.
Его различаю я в небе с трудом...
Меня он забудет, забудет.

А может быть, змея совсем уже нет?
Но слышу я:

дергаясь прытко,
Натянута тонкая-тонкая нить —
Та, к детству ведущая нитка.

И я оставляю четыре стены,
Бегу под ударами сердца.
Летят и летят вдоль по жизни стихи,
Как письма в далекое детство.

Куда он взлетает, мой мир молодой,
Обычному глазу не видно.
Вот только сильнее мне режет ладонь
Суровая длинная нитка.

1965

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Когда из-за тех вон деревьев
кулик или поезд свистнет,
Безумная мать поэта
встает и спешит на перрон.
Безумная эта женщина
на шее солдата виснет,
Солдат на ходу цепляется
на самый последний вагон.

Обугленный блеск и копоть
несутся ему навстречу.
Россия насквозь прострелена —
до журавлей, до берез.
Безумная мать приникнет
к холодному черному рельсу,
Еще донесется до слуха
биенье пропавших колес.

Никто на земле не скажет,
куда этот поезд скрылся:
Живым болтать не пристало,
а мертвым — вспоминать.
На рельсах бессмертник вырос,
на свете поэт родился —
Чего же ты плачешь горько,
чего же ты хочешь, мать?

Солдат все едет и едет,
сквозь годы и письма махая...

Сухими глазами смотришь,
и взгляд твой — как эшелон.
Он тянется, длинный-длинный,
вздрагивая и громокая,
Но только никто не подцепится
на самый последний вагон.

1965

* * *

Не сняв ремней, он спит на нарах твердых,
На кулаке, что вмят в железный сон.
Играет славу год сорок четвертый,
Раздавливая клавиши погон.

Из пустоты бежит прожектор криво
И вырывает наугад года.
Я снюсь отцу за полчаса до взрыва,
Что встанет между нами навсегда.

От той взрывной волны, летящей круто,
Мать вздрогнет в тишине еще не раз...
Вот он встает,

идет,

еще минута —

Начнется безотцовщина сейчас!

Начнется жизнь насмешливая, злая,
Та жизнь, что не похожа на мечту.
Не раз, не раз, о помощи взывая,
Огромную услышу пустоту.

1965

КАРТИНКА 1945 ГОДА

Мать вещи продавать идет: я голоден.
Мне не хватает хлеба, как отца.
Сползаю в сорок пятый год с крыльца,
Качусь слезинкой по щеке у Родины.

Война травой покроется.

С размаху
Солдаты в чернозем штыки воткнут.
Страна, как слезы радости, салют
Руками прямо по лицу размажет.

1965

ПАМЯТЬ

Снова память тащит санки по двору.
Безотцовщина,
И нет воды.
Мать уходит в прошлое, как по воду,
А колодец на краю войны.

Он из снега черным солнцем светит,
Освещая скудным бликом дом.
И на санках ведра, будто свечи,
Догорая, оплывают льдом.

Не ходи ты, ради бога, мама,
К этому колодцу за войной!
Как ты будешь жить на свете, мама,
Обмороженная сединой?

Ты в тепле, зажав лицо руками,
Станешь слезы медленные лить...

Будет обмороженная память
Через годы с болью отходить.

1965

СЛЕЗЫ РОССИИ

Со страны начинаюсь,
С войны начинаюсь...
Отец мой окончен войною.
В чистом поле его,
Прорастая, распяло жнивье.
Я завернут в портянку.
Россия стоит надо мною.
Как круги под глазами,
Траншей на бледном лице у нее.

Мир, разорванный свастикой,
В улицы входит пустые.
Чистит немец ботинки
Родимую щеткой овсов.
Мама,
 мама, не плачь!
Ты утри свои слезы,
 Россия!
Слезы, длинные,
Как отступления наших отцов.

Продолжаю войной,
Продолжаю страной,
Подымаюсь из белой березы,
Из мартена,
Из мрака,
Из розы с шипами ракет.

Но кричат до сих пор,
Высыхая, те скорбные слезы.
И от них
 ни забвенья, ни сна
Моему поколению нет.

1965

* * *

Нынче молодость. Жалоб не будет.
Выпал путь красоте вопреки.
Но на медленном пламени будней
Мы сгораем, как еретики.

Как кулак, разжимаются молнии...
Очень трудно и очень легко,
Очень страшно — окончится молодость,
А до смерти еще далеко.

1965

* * *

Что юность думать заставляет?
Не тишина, не тишина...
Природы чувство остывает,
Дорога знаков лишена.

Я принял истины дорожке
Небрежной юности печать.
И то, что есть меня моложе,
Стал с удивленьем замечать.

1965

* * *

Не выходят стихи.
Ну и ладно. Подумаешь! Кину
Стол, чернильницу, сердце,
Решительно влезу в пиджак.
Выйду в ночь, как в отставку.
С презрением шляпу надвину,
Саркастически
Толстые губы поджав.

Мама, мама, ваш сын неудачник.
Ваш сын неприкаянный ходит.
Разве можно так долго ходить?
Разве можно так часто курить?
Не выходят стихи.
Понимаете, жизнь не выходит.
Может, время жениться
И шлепанцев пару купить?

Я горю белым светом
Своих неподкупных бессонниц.
Мой обугленный рот
«Презираю!» кричит на меня.
Я лопату беру
И копаю в том месте, где совесть.
Ненавижу стихи!
Прометей, не желаю огня!

1965

ПОЕЗД

Я вечный скиталец с клеймом на боку,
Разлуками путь переметил.
Любил на бегу и бросал на бегу...
И сонную девочку встретил.

Я мимо, я мимо, я мимо хотел!
Напрасно она улыбнулась.
— Ты шутишь? — спросила. Я лгать не умел...
Обратно она не вернулась.

1965

* * *

Как птицы, стаканы звенят.
Заброшена школьная проза.
Мы пьем золотой лимонад,
Рогатый и злобный, как роза.

О славе, любви и вражде
Трубите, победные трубы!
Как камешки в горной воде,
Звенят о стакан твои зубы.

Пусть годы и сны по лицу
Бегут, как счастливые слезы,
И дышит во мгле поцелуй
Из света, озноба и розы.

1965

ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК

В некотором царстве,
За тридевять галактик,
Где трамваи ходят
И дождик мелко бьет, —
С младенческим лицом,
Без воли и характера,
Одинокий, глупый
Человек живет.

Ничем примечательным
Вам он не покажется.
Постоит, послушает
И в сторону свернет.
Смотрите: он уходит,
От ветра чуть покачиваясь.
Вы спросите: — Куда? —
А он рукой махнет.

Его подруга топнет
От злости и обиды,
Бродягой, неудачником,
Поэтом обзовет.
Он грустно усмехнется,
Постоит и выйдет,
И старое пальто —
Со звезды рванет.

Приятели привычками
Заняты. Не знают,

Что человек он глупый,
И жизнь его глупа.
Стоит один на улице,
А мимо проплывают
Зеленые, соленые,
Деревянные облака.

1965

САМОВАР

Зачем впадаю в детство, как в болтливость,
Забыв побриться, закуривши вдруг?..
Вот самовар,
 мерцающий, потливый,
Стоит со шпорой крана, как петух.

Вот, жаждой непонятной опаленный,
Я долго воду из цибарки лью.
Как балалайку,
 звонкое полено
На тоненькие лучики щеплю.

Я говорю веселыми стихами,
Топчусь мальчишкой рыжим и босым.
И раздуваю самовар дыханьем —
Готовый лопнуть радужный пузырь.

И дед царит, пыхтя, раскрыв рубаху,
И тянет чай, как песню азиат.
Мне кажется, что самовар с размаху
Взлетит над детством в солнечный закат.

Мир волшебства подернут чуткой пленкой.
Он остывает — на него дышу.
И чашку с дымным чаем, как цыпленка,
В ладони недоверчиво держу.

Я стал другим, давно не замечаю
Тех лет, что позади как пустяки.

Хотя держу стихи, как чашку чая,
И пальцы обжигаю о стихи.

Но это зря,
Я над собой посмеиваюсь.
Я мудр как змий, рассудочен и стар.
Включен в розетку, будто в современность,
На привязи скулит мой самовар.

1965

ВОЛНА

Я возраста еще не понимал,
Когда взлетел на гребень поколенья.
Пусть я не мудрость в сеть морщин поймал,
А смутную улыбку сожаленья.

Дрожат моря — так губы ищут слов,
Душе тесны земные небосводы.
Но, обдирая плавники стихов,
Сквозь сеть морщин мои уходят годы.

Меня несет на берег высота.
Последний взлет!..

Перед своим паденьем
Так мощно медлит гребень!..

И чиста
Душа перед своим перерожденьем.

1965

* * *

Жара!
Пышут бешеной пастью цветы.
Стоят, не шелохнутся пальмы.
Я льдину спускаю в бидон для воды —
Сквозь лед увеличены пальцы.

На бешеный свет поднимаю ее,
Какая прозрачная льдина!
Такая прозрачная — через нее
Россию со ставнями видно.

Где лодка царапает темное дно,
Я цаплю челбасскую слышу.
И тряпкою мать протирает окно —
Она меня видит. Я вижу!

1966

ЗВЕЗДА В ГОРАХ

Мы ехали в горах над облаками,
Опасный путь, машину накрена,
Бросал то на меня, то от меня
Попутчицу с летящими ногами.

Перепадал то холод, то огонь,
И что за наказание, ей-богу!
Я уронил отчаянно ладонь
На лунную девическую ногу.

— Как звать тебя?..

Пугливо улыбнулась.

Разбитые змеились колени.
Заплакала по лебедям любви
Сомненьям предающаяся юность.

— Мы встретимся?

— Не знаю, — еле слышно

Ответило бессмертие мое.
Моя ладонь лежала неподвижно,
И солнце отпечатало ее.

О, слабая звезда моей печали!..
Но больше мы друг друга не встречали.

1966

СМУТНАЯ МЫСЛЬ ЛЕТОМ В ГОРАХ

За личной жизнью я забыл почти
О городах без разума и сердца.
Я надевал от огненного солнца
Холодные блестящие очки.

Обугленные видел силуэты
На склоне металлического цвета.
Свинцовой искрой по снегу следил,
Брал тусклый снег и острый ком лепил.

В слепящий полдень все живое смолкло.
Размытая сквозь дымчатые стекла,
Ты проходила медленным шажком,
В тебя я бросил вспыхнувшим снежком

У ног моих упала ты во мраке,
Неверно защищаясь и дразня.
Но потянулись гаснущие руки,
Как на затменье солнца, на меня.

Перед собой не видя ничего,
Шагнул, и разминулся, и не понял.
От смутной мысли я очки приподнял,
Рванул очки — а на земле черно!

1966

ВЕЧНЫЙ ТРАМВАЙ

Незримый муравейник пробивая,
Тоскуя об утраченной земле,
Иллюзию земного пребывания
Мы создали на вечном корабле.

И совершалось хитрое круженье
Булыжных улиц, пятен и зари.
И звездолет подрагивал в движенье,
Как будто на поверхности земли.

Но ни один не пожелал признаться
В том, что за пленкой опытной мечты
Зияет леденящее пространство,
Бессмысленная бездна пустоты.

А на земле душистой и зеленой
В сырые сумерки на дальний свет
Трамвай проходит перенаселенный,
И метеоры замыкают след.

Выхватывает луч забор и крышу,
Прохожих в профиль. Но молчит народ.
И — по кольцу, и — по второму кругу.
Никто не сходит. Всех людей трясет.

1966

ИЗ ДЕТСТВА

С девчонкой за светлую руку
Иду я, аршин проглотив.
А верные кони по кругу
Летят под разбитый мотив.

Пластинка хрипит, и, признаться,
Подруга глазами стрижет.
Поедем, красотка, кататься!
Соперник меня стережет.

Бросает и топчет окурок.
За ним из глухого двора
Встают роковые фигуры
По прозвищу «кеши с бугра».

Уйдем, говорю, от погони!
Крути, карусельщик хмельной!
Мои деревянные кони,
Давайте рванем по прямой!

Кричу, чтоб со мною дружила
До самого смертного дня...
Но голову ей закружило,
Она позабыла меня.

1966

ПРОЩАНИЕ С КРАСНОДАРОМ

Потрясают осенний перрон
Золотые литавры и трубы —
Их прислало бюро похорон
По изысканной выдумке друга.

Может быть, я, ребята, вернусь!
Но прощальными машут руками
И на память мне дарят арбуз,
Исцарапанный именами.

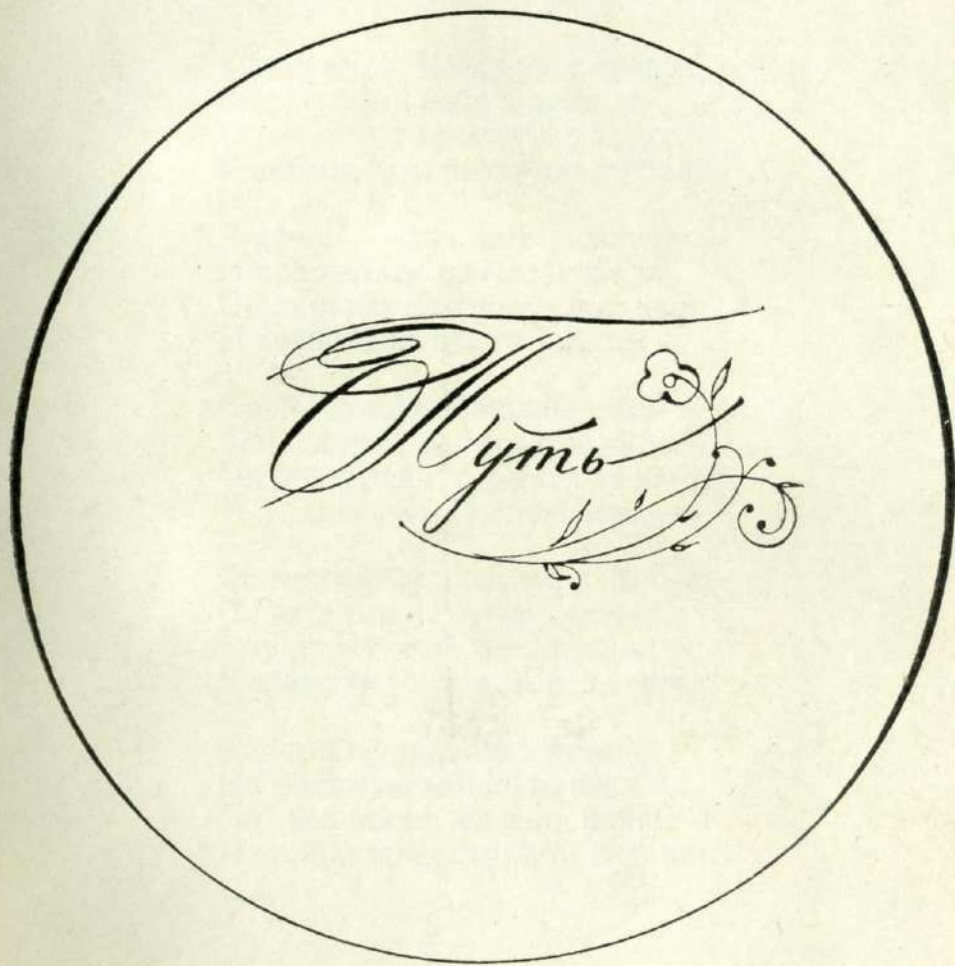
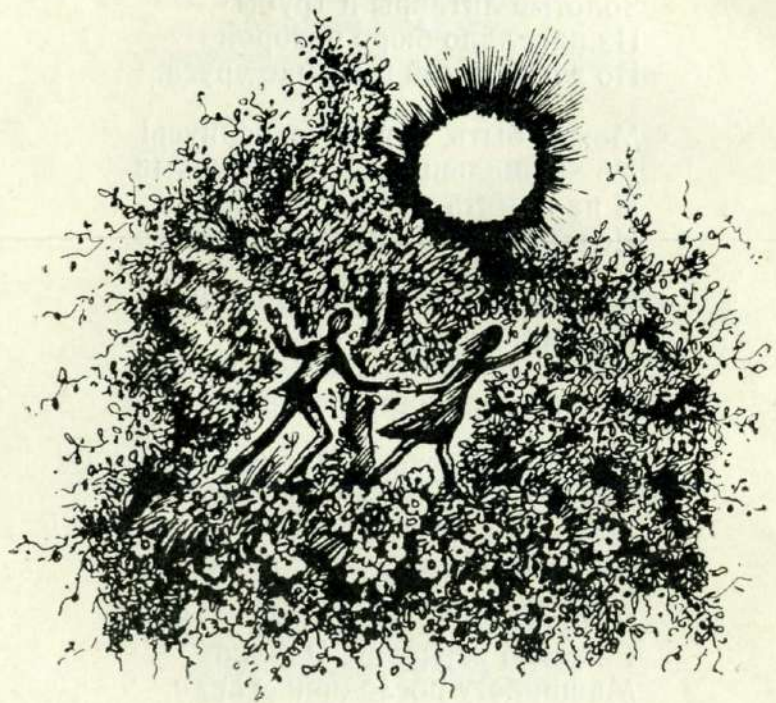
Я читаю: «Валерка», «Вадим».
Кабаки, переулки, закаты...
Мы неверным молчаньем почтим
Нашей молодости раскаты.

Гей, шампанского! Водку несут.
Ничего, наливай до предела!
Мы сегодня покажем, как пьют
За успех безнадежного дела.

Я бросаю в измоглый туман
Роковую перчатку. Однако
Машинисту последний стакан,
Чтобы поезд летел как собака!

Выкликаю: «Валерка!», «Вадим!»
Я вернусь знаменитым поэтом.
Мы еще за успех воздадим,
Шапку оземь и хвост пистолетом!

1966

РАЗДУМЬЕ

Тихий край. Невысокое солнце.
За околицей небо и даль.
Столько лет простоял у колодца
В деревянном раздумье журавль.

А живые — над ним пролетали
И прощально кричали вдали.
Он смотрел в журавлиные дали
И ведро волочил до земли.

Но когда почерневшую воду
Тронул лист на немой заре,
Он рванулся и скрылся из виду,
И... зацвел на далекой земле.

Ослепленный алмазною пылью,
Он ветвями на север растет.
Ему рубят широкие крылья
И швыряют в дорожный костер.

А когда журавлиная стая
На родимую землю летит,
Он холодные листья роняет
И колодезным скрипом скрипит.

1967

* * *

Я любил ее чисто и строго.
Перед сном и превратной судьбой
Старый меч благородства и страха
Клал на ложе меж ней и собой.

Как остался один, я не знаю...
И пристала цыганка, шепча:
— Дай, красавчик, тебе погадаю,
Как рука у тебя горяча!

Налгала про дорогу и чувства.
Как вода, эти годы сошли.
И вражда, и тоска, и искусство,
И подруги меня не сожгли.

Но люблю до сих пор — бескорыстно,
Беззаветно и тихо, как брат.
И протяжно кричат мои письма,
И на низкое солнце летят.

1967

ОТСУТСТВИЕ

Ты придешь, не застанешь меня
И заплачешь, заплачешь.
В подстаканнике чай,
Как звезда, догорая чадит.
Стул в моем пиджаке
Тебя сзади обнимет за плечи.
А когда ты устанешь,
Он рядом всю ночь просидит.

Этот чай догорит на заре.
Ты уйдешь потихоньку.
Станешь ждать, что приду,
Засвистав соловьем у ворот.
Позвонишь.
Стул в моем пиджаке
Подойдет к телефону.
Скажет: — Вышел. Весь вышел.
Не знаю, когда и придет.

1967

* * *

Звякнет лодка оборванной цепью,
Вспыхнет яблоко в тихом саду,
Вздрагнет сон мой, как старая цапля
В нелюдимо застывшем пруду.

Сколько можно молчать! Может, хватит?
Я хотел бы туда повернуть,
Где стоит твоё белое платье,
Как вода по высокую грудь.

Я хвачусь среди замершей ночи
Старой дружбы, сознания и сил,
И любви, раздувающей ноздри,
У которой бессмертья просил.

С ненавидящей, тяжкой любовью
Я гляжу, обернувшись назад.
Защищаешься слабой ладонью.
— Не целуй. Мои губы болят.

Что ж, прощай! Мы в толпе затерялись.
Снилось мне, только сны не сбылись.
Телефоны мои надорвались,
Почтальоны вчистую спились.

Я вчера пил весь день за здоровье,
За румяные щеки любви.
На кого опустили в дороге
Перелетные руки твои?

Что за жизнь — не пойму и не знаю.
И гадаю, что будет потом.
Где ты, господи... Я погибаю
Над её пожелтевшим письмом.

1967

* * *

Все сошлось в этой жизни и стихло.
Я по комнате кончил ходить.
Упираясь в морозные стекла,
Стал крикливую кровь холодить.

Я вчера в этом доме смеялся,
Кликнул друга, подругу привез.
И на радостях плакать пытался,
Но судьбы не хватило для слез.

Так стоял в этом смолкнувшем доме.
И на божий протаяли свет
Отпечатки воздетых ладоней
И от губ западающий след.

Я рванусь на восток и на запад,
Буду взглядом подругу искать.
Но останутся пальцы царапать
И останутся губы кричать.

1967

АТОМНАЯ СКАЗКА

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

— Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.

В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

1968

• • •
Женщина, о чем мы говорили!
Заказали скверное вино.
И прижались в этом зимнем мире
Так, что место заняли одно.

Только шли минуты год за годом,
Каждый душу сохранить хотел.
И с одра морщинистым уродом
Встал, как лишний, след от наших тел.

Нацепил пальто, ушел из дому,
И открылся перед ним простор.
И звезда виденью неземному
Подмигнула из-за дальних гор.

1968

СНЕГ

Зимний час. Приглушенные гулы.
Снег идет сквозь людей и сквозь снег.
Облепляет ночные фигуры,
Замедляет наш яростный бег.

Друг у друга не просим участия
В этой жизни опасной земной.
Для старинного смертного счастья
Милый друг возвратится домой.

Долго пальцы его ледяные
Будут ключ запропавший искать.
Дверь откроют навстречу родные,
Молча снег он начнет отряхать.

Будет долго топтаться пред светом.
Будут ждать терпеливо его.
Обнажится под тающим снегом
Пустота — никого! ничего!

1968

ЗМЕИНЫЕ ТРАВЫ

Мчался поезд обычного класса,
Вез мечты и проклятья земли.
Между тем впереди через насыпь
Серебристые змеи ползли.

Людам снилась их жизнь неуклонно,
Снился город, бумаги в пыли,
Но колеса всего эшелона
На змеиные спины сошли.

Все сильнее пассажиров шатало,
Только змеи с шипеньем ползли.
Незнакомая местность предстала,
И змеиные травы пошли.

Канул поезд в пустое пространство,
И из вас никому невдомек,
Если вдруг среди мысли раздастся
Неизвестно откуда — гудок.

1968

ПОСЛЕДНИЕ КОНИ

Се — последние кони! Я вижу последних коней.
Что увидите вы?
Воронья! Как мчатся! Сильней и сильней!
Разнесут до Москвы.

Словно мне говорят: ничего! Мы покажем себя,
Разогнать бы печаль.
Божьей дланью срывает мне шапку со лба.
А! Мне шапки не жаль.

Топот, ржанье, окраина... хутор мелькнул.
Дед, я знаю, один.
Вышел он, поглядел и рукою махнул:
— Пропадай, сукин сын!

1969

ПАМЯТИ КОСМОНАВТА

Шел ты на землю с расчетом железным.
Только увидел ее —
Поторопился...
 И стало небесным
Тело земное твое.

Где ты? Оплывшую грудю металла
В землю твой друг опустил.
Весь ты зарыт. А чего не хватало,
Черный металл возместил.

1969

* * *

И снился мне кондовый сон России,
Что мы живем на острове одни.
Души иной не занесут стихии,
Однообразно пролетают дни.

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи — дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет — и опять уснет.

1969

СТОЯЩИЙ НА ВЕРШИНЕ

Однажды сонную долину
Покинул дерзкий человек.
Ступил ногою на вершину.
— Отселе вижу! — он изрек.

И длань движением державным
Простер на низшие миры.
Опасно встать с горами равным,
Имея душу не горь.

Ему внезапно вид явился
Настолько ясный и большой,
Что, потрясенный, он сломился
Несоразмерно душой.

1969

ОТЦУ

Что на могиле мне твоей сказать?
Что не имел ты права умирать?

Оставил нас одних на целом свете.
Взгляни на мать — она сплошной рубец.
Такая рана видит даже ветер!
На эту боль нет старости, отец.

На вдовьем ложе памятью скорбя,
Она детей просила у тебя.

Подобно вспышкам на далеких тучах,
Дарила миру призраков летучих —
Сестер и братьев, выросших в мозгу...
Кому об этом рассказать смогу?

Мне у могилы не просить участия,
Чего мне ждать?..

Летит за годом год.

— Отец! — кричу. — Ты не принес нам
счастья!.. —

Мать в ужасе мне закрывает рот.

1969

* * *

Не сжалится идущий день над нами,
Пройдет, не оставляя ничего:
Ни мысли, раздражающей его,
Ни облаков с огнями и громами.

Не говори, что к дереву и птице
В посмертное ты перейдешь родство.
Не лги себе! — не будет ничего,
Ничто твое уже не повторится.

Когда-нибудь и солнце, затухая,
Мелькнет последней искрой — и навек.
А в сердце... в сердце жалоба глухая,
И человека ищет человек.

1969

* * *

Нет в городе весны. Есть лето и зима.
И тени ни одной.
Внезапен переход. И грань знобит сама:
Снег переходит в зной.
Ты глянул: снег идет. Одейся на ходу...
Но попадешь как раз
Из духоты квартир в другую духоту,
Где дышит зной на нас.
На лето лед хранят, а в ледяной порыв
Огонь берут взаймы.
Ты воздуха лишен, смягчающего взрыв
То лета, то зимы.
Спи, осень! Спи, весна! Преданье старины...
Ты — житель городской,
И снегом заметен с холодной стороны,
Сожжен огнем с другой.

1969

ПОЛДЕНЬ

Вода исчезла. В сквозняке реки
Дыхание нагретого железа.
Остановись — и в тень твою налезут
Жуки, собаки, стекла, пауки.

Сгустился воздух, чуть дрожит, роится.
Двинь дерево в такую немоту —
Ночная перекошенная птица
Взлетит и загорится на лету.

Гнетет жара. Возьми коровку — жжется.
Цвели в степи подсолнухи, и вот
Сплошной стеною прыгнули на солнце —
В них врезался военный самолет.

Темно... И полдню снится полдень зимний.
Повсюду голо. Ивы вдоль реки
Одною частью — осторожный иней,
Другую частью — черные сучки.

1969

ЗНОИ

Гул, толчки. У бегущей собаки
Испаряется пасть... Как во мраке,
Пузырится удушливый пруд.
Тучи пыли визгливо-сердиты,
Горизонты и крыши размыты,
Искры зноя сквозь воздух бегут.

И, забывшись на самом припеке,
Грезит молнией дуб одинокий,
Тень влача,
 где ночное живет,
Где пронзительно месяц сверкает,
То сова, то душа зарыдает,
Червь сквозь сердце мое проползет...

1969

ПЧЕЛА

Сухой камыш и мертвый блеск воды,
Пусты туманно-сизые сады.

Пойдут дожди, а там и снег встречай...
Но солнце улыбнулось невзначай.

И под дыханьем позднего тепла
Обманутая вишня расцвела.

Белым-бела! Но люди в том краю
Угрюмо верили календарю.

И отводили беглые глаза,
Чтоб не будить в душе, чего нельзя.

Но тонкий запах в воздухе сухом
Пчеле наваял небывалый сон.

Я видел вишню — и пока цвела,
Над ней летала сонная пчела.

1969

ОСЕННИЙ КОСМОС

Старинная осень, твой стих изжит,
Твоя сторона пуста.
Ночами под деревом воздух визжит
От падающего листа.

И ветер, донесший раскат зимы,
Все стекла задул в селе.
Деревья тряхнуло вон из земли,
А листья — назад, к земле.

Не воздух, не поле, не голый лес,
А бездны меж нас прошли.
Горит под ногами лазурь небес —
Так мы далеки от земли.

Но тише, подруга моя! Жена!
Минута раздумья есть.
То дождь пошел, то почти тишина...
Такого не перенести.

Шел дождь прямой, шел дождь прямой,
Все было прямым, прямым.
Шел дождь прямой, шел дождь прямой,
Внезапно он стал косым.

Все стало косым под косым дождем:
Забор, горизонт, холмы
И дом, потемневший мгновенно дом,
И мы перед ним, и мы!

1969

СОТНИ ПТИЦ

В зимнем воздухе птицы сердиты,
То взлетают, то падают ниц.
Очертанья деревьев размыты
От насевших здесь сотнями птиц.

Суется, кричат — кто их дразнит?
День слоится в прозрачной тени.
На равнине внезапно погаснет
Зимний куст — это снова они.

Пеленою полнеба закроют,
Пронесутся, сожмутся пятном.
И тревожат, и дух беспокоят.
Что за тень?.. Человек за окном.

Человека усеяли птицы,
Шевелятся, лица не видать.
Подойдешь — человек разлетится,
Отойдешь — соберется опять.

1969

КАКТУС

Самолет оторвался от верной земли,
И подошвы повисли в пыли.

Гений плоскости смутно почуял подвох,
Потому что земля — из-под ног.

За спиною — старуха сидела с мешком,
Молодые с цветочным горшком.

Да дитя, не спускавшее с кактуса глаз,
Ибо кактус цветет только раз.

А еще футболист, и солдат в отпуску...
Самолет набирал высоту.

Отступись, человек! Вот граница небес!
Самолет в мирозданье исчез.

За минуту, когда он свободу обрел,
Неожиданно кактус расцвел.

1969

МУРАВЕИ

Я не знаю ни бога, ни счастья,
Только бревна таскаю, прости.
На земле муравей повстречался
И бревно мне помог донести.

Я дышал в муравьиное темя.
Он по краю стакана ходил,
Из которого в доброе время
Не одну только воду я пил.

Показалось: частицею малой
Сам я вспыхнул на чьем-то краю.
Разве глупая тварь понимала
Одинокую душу мою?

Но края темной бездны невольно
Преломились в едином луче.
Мы таскали тяжелые бревна
То на том, то на этом плече.

Где он? Дом я достроил до крыши,
Вместо пола и стен — решето...
Были встречи короче и ближе,
Но предела не ведал никто.

1969

* * *

Скажи мне, о русская даль,
Откуда в тебе начинается
Такая родная печаль?..
На дереве ветка качается.

День минул. Проходит два дня.
Без ветра на дереве мечется.
И взяло сомненье меня:
Мерещится иль не мерещится.

Поют, опадая, листки.
С чего оно, право, качается?
Пошел и напился с тоски...
Так русская мысль начинается.

1969

ВЕТЕР

Кого ты ждешь?.. За окнами темно.
Любить случайно женщине дано.
Ты первому, кто в дом войдет к тебе,
Принадлежать решила, как судьбе.

Который день душа ждала ответа.
Но дверь открылась от порыва ветра.

Ты женщина — а это ветер вольности...
Рассеянный в печали и любви,
Одной рукой он гладил твои волосы.
Другой — топил на море корабли.

1969

ЛЮБОВЬ

Он вошел — старый дом словно ожил.
Ты сидела — рванулась не ты:
Проступили такие черты,
Что лицо на лицо не похоже.

Он еще не забрал, но уже
Ты его поняла по движенью.
То душа прикоснулась к душе,
То звезда зацепилась о землю.

1969

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Ни тонким платком, ни лицом не заметна,
Жила она.

(Души такие просты.)

Но слезы текли, как от сильного ветра...
Мужчина ей встретился — ты!

«Не плачь!» Покорилась тебе. Вы стояли:
Ты гладил, она до конца
Прижалась к рукам, что так нежно стирали..
О, если бы слезы с лица!

Ты выдержал верно упорный характер,
Всю стер — только платья висят.
И хочешь лицо дорогое погладить —
По воздуху руки скользят.

1969

ВОДОЛЕИ

Итак, я еду в сторону Кавказа,
На прочее давно махнул рукой.
Сулит душе утраченный покой
Свободное течение рассказа.
Я еду мимо пашен, мимо рек.
В окне земля российская мелькает,
Обочь несется, дальше проплывает,
А далее стоит из века в век.
Что там стоит?.. Не храм ли Покрова?
Аль разъяренный силуэт Петра?

Рожденный в феврале под Водолеем
В самодовольный аварийный век,
Я вырос с инфантильным поколеньем,
Издерганный и точный человек.
Надежды запах стал несносно горек,
И очерствел воспоминаний хлеб.
Я позабыл провинциальный город,
Где улицы выходят прямо в степь.

Был город детства моего — дыра,
Дыра зеленая и голубая.
И девочка была как мир стара,
Сияла, легкая и золотая.
На карусель мы сели, на скамью
Летучую и голубую.
Но закружило голову мою,
И я забыл зеленую свою
И первую и дорогую.

Он надоел мне этим. Он ушел...—
Она закуску принесла на стол.
— А как живешь теперь?
— На алименты.

Вы слышите, друзья-интеллигенты?
— Я вспомнила! — воскликнула она.—
Тихоня, ты любил меня... О боже!
Как я смеялась в девочках!.. Пстой же!
Куда? Уж поздно...—

Да! И ночь темна.
И в прошлом ничего-то не найти,
А поезд мой давно уже в пути.
И площадь привокзальная пуста,
И скука ожидальная остра.

Но вот машина. Морда между делом
Зевает.

На борту во всю длину
Намараны скрипучим школьным мелом
Два слова:

«Перегоним сатану!»
Вот кстати! Грузовик остервенело
Понесся.

Я нагнал остывший чай
На следующей станции. Прощай,
Острота ада!..

И душа запела
О свежести, утраченной давно...
За прошлогодним снегом еду в горы.
— Чуть было не отстал!

— А поезд скорый,—
Сказал сосед,— отстать не мудрено.
1970

. . .
Рябины куст. Размытые строенья.
Столбы пустого воздуха стоят.
Как высоки воздушные деревья!
Земли не достигает листопад.

И слышно, как на землю оседает
Туман — за полосую полоса.
Тень спутника скользит — полусквозная
И сизая по сизые глаза.

И горечь ягод и скупого слова
Пронзительная горечь — глубока.
От одного мгновенья до другого
Порожние проходят облака.

1970

МЕЛ

От зноя в душном воздухе иглится
Седая грань. Простор туманно-бел.
В горах сквозь мелко скрученные листья
Дымится глыба, отливает мел.

В кустарнике печет, и слышен плеск
Сухого зноя, трущихся потоков.
Слепит глаза и обжигает блеск
Воздушной толчеи, возникших стекол.

Я запустил слепящий камень ввысь —
Он высек в зное белый кипарис.

Еще один косым углом вонзился
В пустое небо!

О, пойдём со мной
Туда, где роща белых кипарисов
Восстала над бесплодной землей.

1970

ГОРНЫЕ КАМНИ

В горной впадине речка ревела,
Мощный корень камнями дробя.
Но зеленое дерево въело
Те огромные камни в себя.

И — мучительно принятых в тело
Вознесло над бесплодной землей.
Как детей безобразных, одело
Терпеливой плакучей корой.

Раскаленный под солнцем высоким,
Камень тело корявое рвал.
Стукнул дятел в кремень ненароком,
Искру высек и где-то пропал...

Что там дышит и просит ответа,
И от боли кричит в забвенье?!
Это камни скрежещут от ветра,
Это, дерево, камни твои.

1970

РОДСТВО

Ребенок соломинку взял,
Увлекся простым подражаньем.
И радужный шар воссиял,
Наполненный чистым дыханьем.

Нечаянно ветер понес
Тот шар над простором открытым.
Он с севера мохом оброс,
А с юга расцвел гиацинтом.

Вздымая приливы свои,
Вода начала возмущаться.
И камень, поднявшись с земли,
Стал около шара вращаться.

И, чуя глухое родство,
Заброшенный пес — из потемок
Протяжно завыл на него.
И с плачем проснулся ребенок.

1970

* * *

Завижу ли облако в небе высоком,
Примечу ли дерево в поле широком, —
Одно уплывает, одно засыхает...
А ветер гудит и тоску нагоняет.

Что вечного нету — что чистого нету.
Пошел я шататься по белому свету.
Но русскому сердцу везде одиноко...
И поле широко, и небо высоко.

1970

КОЛЕСО

Колесо навстречь криво катится,
Быстрым-быстрое, и внутри пятно.
Стал я спрашивать: — Ты откуда
Оторвалося? Куда держишь путь? —
Но молчит оно, мимо катится,
Только звон гудит, только пыль стоит.
Прокатилось, промоталось
По плакун-траве и по трын-траве.

1970

* * *

Из земли в час вечерний, тревожный
Вырос рыбий горбатый плавник.
Только нету здесь моря! Как можно!
Вот опять в двух шагах он возник.

Вот исчез. Снова вышел со свистом.
— Ищет моря,— сказал мне старик.
Вот засохли на дереве листья —
Это корни подрезал плавник.

1970

ВОЗМЕЗДЬЕ

Я встретился с промозглым стариком.
Глаза слезятся. — Что с тобой? — спросил я
— Мне в очи плюнул тот, кого убил я,
И плачу я с тех пор его плевком.

1970

* * *

Твое тело я высек из света,
Из прохлады, огней и зарниц.
Дал по вздоху свистящего ветра
В обе ямки повыше ключиц.

И прошел на закат, и мой путь
Раздвоил глубоко твою грудь.

1970

* * *

Батиме

За сияние севера я не отдам
Этих узких очей, рассеченных к вискам.

В твоем голосе мчатся поющие кони,
Твои ноги полны затаенной погони.

И запястья летят по подушкам — без ветра
Разбегаются волосы в стороны света.

А двуострая грудь серебрится...
Так вершина печали двоится.

1970

ВОСТОКУ

Давным-давно судьба перемешала
Твоих сынов и дочерей твоих,
Но та, что спит в долине рук моих,
Спала в бороздке твоего кинжала.

1971

. . .

С бледным лицом возвращаюсь к законной жене.
— Где я напился? На дне, дорогая, на дне.

Верную руку я подал падучей звезде,
Твердую волю доверил бегущей воде.

Нечего больше у доброго молодца взять,
Полно, родная, красивую жизнь поминать.

Мало прошли, но я дальше не вижу пути.
Ты обезумела, я опустил... прости.

1971

ХОЗЯИН РАССОХШЕГОСЯ ДОМА

Среди пыли, в рассохшемся доме
Одинокий хозяин живет.
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Гром ударит ли с грозного неба
Или легкая мышь прошмыгнет,—
Раздраженно скрипят половицы,
А одна половица поет.

Но когда на руках как сиянье
Нес подругу в заветную тьму,
Он прошел по одной половице,
И весь путь она пела ему.

1971

ЕЛЕНА

Ты кто, Елена?.. Стар и млад
Из-за тебя в огне.
Пускай цари повременят,
Ты вспомни обо мне.

Гомер — слепой певец богов
Донес из пустоты
Вздых восхищенных стариков,
Но не твои черты.

Оставил славы блеск и гром,
И больше ничего.
Я угадал мужским чутьем
Смушение его.

В туманном юношеском сне
Из этой пустоты
Являлась женщина ко мне...
Елена, — это ты!

Тебя я чувствовал — во всех,
Как славу и подвох,
Хотя свой призрачный успех
Ни в ком признать не мог.

Когда другая за мечты
Сожгла мне жизнь, любя,
Ты приняла ее черты —
Я потерял тебя.

1971

ДЕРЕВО У ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Это дерево густо и вольно
У железной дороги растет.
Руку высунь из поезда — больно
Отягченная ветка стегнет.

Головного вагона волнение
По цепи пробежит до конца.
Мимолетное прикосновение
То окна, то руки, то лица!

Дай схватить мне от зелени чистой
Хоть немного рукою своей...
Пыль состава ложится на листья,
На вагонах — следы от ветвей.

Сколько можно цепляться, цепляться,
Если мимо вагоны летят!
Словно женщина, просит остаться,
Но случайные люди — скользят.

1971

АВОСЬ

Есть глубинный расчет в этом слове мирском,
Бесшабашность и мудрость с запечным зевком,
Свист незримой стрелы, шелестенье в овсе,

Волчье эхо и весть о заблудшей овце,
Русский сон наяву и веселие риска,
Славный путь напролом и искус василиска.
На авось отзывается эхо: увы!
Сказка русского духа, и ключ от Москвы.

1971

* * *

Когда песками засыпает
Деревья и обломки плит,—
Прости, природа *забывает*,
Она не знает, что творит.

На полпути почуяв пропасть
И дорожа последним днем,
Прости грядущего жестокость:
Оно придет, а мы умрем.

1971

* * *

Вчера я ходил по земле, а сегодня
Хоть бейте мячом — мое место свободно.

А в мире, я слышал, становится тесно...
Займите, займите — свободное место!

Займите — и станете вечно скитаться,
И вам никогда пересечь не удастся

Пустыню, в которой блуждал я до срока;
Узнайте, как было до вас мне далеко!

1971

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ

Где ты, мальчик насмешливый, властный?
Вижу светлый твой облик во мгле.
Десять лет ожиданий и странствий
Миновало на этой земле.

Ты твердил:

«К тридцати успокоюсь,
К тридцати невозможным своим —
Застрелюсь или брошусь под поезд...»
Ты хотел умереть молодым!

Вспомнил, вспомнил я эти заветы,
К роковым тридцати подойдя...
Отказали твои пистолеты,
Опоздали твои поезда.

Завещаний мальчишеских иго
Я свободе решил предпочесть.
Не написана лучшая книга,
Но небесные замыслы есть.

Не кори меня, мальчик, не сетуй...
Ничего, на другие года
Сохраню я твои пистолеты,
Подожду я твои поезда.

1971

* * *

Я в поколенья друга не нашел,
И годы не восполнили утраты.
Забывтое письмо вчера прочел
Без адреса, без подписи и даты.

Поклонная и мягкая строка
Далекое сиянье излучала.
Его писала женская рука —
Кому, кому она принадлежала?

Она просила участи моей —
Порыв последний зрелости бездомной.
А я не знаю, чем ответил ей,
Я все забыл, я ничего не помню.

Их много было, светлых и пустых,
Которые любви моей искали.
Я вспомнил современников своих —
Их спутниц... нет, они так не писали.

Такой души на свете больше нет.
Забывтую за поколеньем новым,
Никто не вырвал имени на свет
Ни верностью, ни мужеством, ни словом.

1971

* * *

Эта песня не нашего края,
И пластинки нигде не достать.
Эта песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять.

Но от друга услышал я снова
И, пойми, чуть с ума не сошел.
Пал на скорость с перрона ночного
И тебя за морями нашел.

Ты сказала: — Как поздно ты вспомнил!
Но входи...—

И мы сели за стол.
И тяжелую рюмку я поднял,
И опять чуть с ума не сошел.

И сказала ты, губы кусая:
— Ну зачем, ну зачем вспоминать!
Наша песня такая глухая,
Даже слов невозможно понять.

1972

* * *

На склоне вереск, крут обрыв...
Суровый острый воздух.
Души рассеянный порыв.

И Севера серьезность.

Крива сосна, безмерна высь,
Равнина ждет полета.
И только свист, и только свист,

И Севера ворота.

1972

* * *

О миг! Это камень проснулся
И мира пустого коснулся,
И каменным стал этот мир.
Все сущее камень сломил.

Дороги назад оглянулись,
Все стороны света замкнулись,
И молния в камень ушла...

И камню открылась душа.

1972

. . .

В чистом поле гигант из земли возникал
И горбатое солнце на запад толкал.

— Помоги! — говорил он. — Стань братом моим.
Есть ли время — мы этот вопрос разрешим.

Ты змеиную мудрость узлом затяни,
Просвистевшую пулю — еще подтолкни.

Ты в любви не минувшим, а новым богат,
Подтолкни уходящую женщину, брат.

И ледник, что спешит за улиткой вослед,
Подтолкни: он ползет уже тысячи лет.

1972

* * *

Его повесили враги
На уцелевшей ветви.
И память стерли как могли,
Что был такой на свете.

Не знали люди ничего.
Но лист кружился рядом
И говорил:

— Я знал его,
Он был мне сводным братом.

1972

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Шел отец, шел отец невредим
Через минное поле.
Превратился в клубящийся дым —
Ни могилы, ни боли.

Мама, мама, война не вернет...
Не гляди на дорогу.
Столб крутящейся пыли идет
Через поле к порогу.

Словно машет из пыли рука,
Светят очи живые.
Шевелятся открытки на дне сундука —
Фронтовые.

Всякий раз, когда мать его ждет, —
Через поле и пашню
Столб крутящейся пыли бредет,
Одинокий и страшный.

1972

ЦВЕТЫ

Зачем цветы под этим небом,
Когда они не пахнут хлебом?
После дождя полны водой,
Лиловой, желтой, голубой,
Или туманною прохладой
Стоят, как дымка за оградой.
Явление необъяснимо,
Взгляни, порадуйся, и мимо!

Туман. Но дунет с моря ветер,
И словно стих в тебе возник.
И вспышки красные гвоздик
Темны на бледном полусвете.
Через толпу наискосок,
Как искра, пробежит цветок.
Вниманья знак? Души привет?..
Благоухает, гаснет след.

Переживает звездный час
Души безумие и мода,
И ледяная лжеприрода
Числа, бетона и пластмасс.
И полевой ромашки цвет
Не скажет сердцу «да» иль «нет».

Но аромата на поляне
Сквозит невидное сиянье.
Жар мать-и-мачехи блестит
И мелко воздух золотит.

И золотится эта ветка
В объемной мысли человека.
И обернулись тишиной
Души сомненья и тревоги.
Я шел. Травой пропахли ноги
И стали, собственно, травой.

Легко, свободно было там,
Где я читал стихи цветам.
Чернела брошенная лодка,
Светила в лилию луна.
Я был один, и жизнь одна.
Душа смеялась беззаботно.
О ночь фиалки и сверчка,
Ночь аромата и смычка!
Пронижет облаком меня
Фиалки нежное дыханье.
Любимой женщины дыханье
Пронижет молнией меня.

Цветы исполнены свободы,
Как простодушные народы.
Я видел в пламени и дыме
Людей, которых больше нет.
Летали пули между нами
И собирали жизни цвет.
Бил пулемет издалика —
Из голубого василька.
Прошел с огнем наперевес
По эдельвейсам — «Эдельвейс».

Я видел мертвые кусты,
Восстали поздние цветы.
Не плачь, родимая, о сыне!

К нему пути не отыскать.
Цветы — нашли его в долине,
Цветы нашли... утешься, мать.
А блеск цветов стоит на листьях
И на далеких детских лицах.

Цветы любви, цветы бессмертья,
Цветы железного столетья,
Я наугад раскрыл ваш том,
Он ни о чем — и обо всем.

1972

ОТЕЦ КОСМОНАВТА

Вы не стойте над ним, вы не стойте над ним, ради бога!
Вы оставьте его с недопитым стаканом своим.
Он допьет и уйдет, топнет оземь:— Ты кто? — Я дорога.
Тут монголы промчались — никто не вернулся живым.

— О, не надо,— он скажет.— Не надо о старой печали.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Не его ли следы на тебе эту пыль разметали?..
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

На родном пепелище, где угли еще не остыли,
Образ женской печали возникнет как тень перед ним.
— Я ходил на дорогу,— он скажет,— а в доме гостили...
— Ни французы, ни немцы — никто не вернулся живым.

— О, не надо,— он скажет. — Не надо, есть плата дороже.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Ты делила с ним стол и ночей сокровенное ложе...
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

Где же сына искать? Ты ответь ему, Спасская башня!
О медлительный звон! О торжественно-дивный язык!
На великой Руси были, были сыны бесшабашней,
Были, были отцы безутешней, чем этот старик.

Этот скорбный старик не к стене ли Кремля обратился,
Где пропавшего сына начертано имя огнем:
— Ты скажи, неужели он в этих стенах заблудился?..
— Он пошел поперек, ничего я не знаю о нем.

Где же сына искать, где искать, ты ответь ему, небо!
Провались, но ответь, но ответь ему, свод голубой,—
И звезда, под которой мы страждем любви и хлеба,
Да, звезда, под которой проходит и смерть, и любовь!

— О, не надо,— он скажет.— Не надо о смерти постылой.
Что ты знаешь о сыне, скажи мне о сыне родном.
Ты светила ему, ты ему с колыбели светила...
— Он прошел сквозь меня, ничего я не знаю о нем.

* * *

Надоело качаться листку
Над бегущей водою.
Полетел и развеял тоску...
Что же будет со мною?

То еще золотой промелькнет,
То еще золотая.
И спросил я: — Куда вас несет?
— До последнего края.

1973

СКЛОН

— Вершина духа знает склон! —
Так говорил мне снежный ком
И, отягченный сединой,
Поэт, идущий из пивной.
— Ты на пути не становись,
Когда душа катится вниз.

1973

* * *

Ты чужие слова повторяла
И носила чужое кольцо,
И чужими огнями мигала,
И глядела в чужое лицо.

Я пришел — и моими глазами
Ты на землю посмотришь теперь,
И заплачешь моими слезами;
И пощады не будет тебе.

1973

ЧУЖАЯ СТРАСТЬ

Зеленая птица свистит за окном,
Ты крошишь ей хлеб на блюде.
Зеленая птица хлеба не ест,
Но рвет твои белые груди.

И долго ты ловишь пропавший свист
Своим онемелым телом.
И зеленеет твое кольцо
На безымянном белом.

1973

БАЛЛАДА ОБ УШЕДШЕМ

Среди стен бесконечной страны
Заблудились четыре стены.
А среди четырех заблудился
Тот, который ушедшим родился.

Он лежал и глядел на обои,
Вспоминая лицо дорогое.
И потеки минувших дождей
На стене превратились в людей.

Человек в человеке толпится,
За стеною стена шевелится.
— Дорогое лицо, отпусти!
Дай познать роковые пути.

Невозможные стены и дали
Не такой головой пробивали...—
Так сказал и во тьме растворился
Тот, который ушедшим родился.

Он пошел по глухим пропастям,
Только стены бегут по пятам,
Только ветер свистит сумасшедший:
— Не споткнись о песчинку, ушедший!

1973

* * *

Орлиное перо, упавшее с небес,
Однажды мне вручил прохожий или бес.

—Пиши! — он так сказал и подмигнул хитро. —
Да осенит тебя орлиное перо.

Отмеченный случайной высотой,
Мой дух восстал над общей суетой.

Но горный лед мне сердце тяжелит.
Душа мятется, а рука парит.

1974

* * *

Живу на одной половице
С судьбой без последней страницы,
С туманом морским и табачным,
С бурьяном степным и чердачным,
С краюшкой, которая скачет,
С подушкой, которая плачет...
Дыра от сучка подо мною
Свистит глубиной неземною.

1974

* * *

Бывает у русского в жизни
Такая минута, когда
Раздумье его об Отчизне
Сияет в душе, как звезда.

Ну как мне тогда не заплакать
На каждый зеленый листок!
Душа, ты рванешься на запад,
А сердце пойдет на восток.

Родные черты узнавая,
Иду от Кремлевской стены
К потемкам ливонского края,
К туманам охотской волны.

Прошу у Отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путем,
И зреть, что случится потом.

1974

ГИМНАСТЕРКА

Солдат оставил тишине
Жену и малого ребенка,
И отличился на войне...
Как известила похоронка.

Зачем напрасные слова
И утешение пустое?
Она вдова, она вдова...
Отдайте женщине земное!

И командиры на войне
Такие письма получали:
«Хоть что-нибудь верните мне...» —
И гимнастерку ей прислали.

Она вдыхала дым живой,
К угрюмым складкам прижималась,
Она опять была женой.
Как часто это повторялось!

Годами снился этот дым,
Она дышала этим дымом —
И ядовитым и родным,
Уже почти неуловимым.

...Хозяйка юная вошла.
Пока старуха вспоминала,
Углы от пыли обмела
И — гимнастерку постирала.

1974

ЧЕТЫРЕСТА

Четыре года моросил,
Слезил окно свинец.
И сын у матери спросил:
— Скажи, где мой отец?

— Пойди на запад и восток,
Увидишь, дуб стоит.
Спроси осинový листок,
Что на дубу дрожит.

И сын на запад и восток
Послушно пошагал.
Спросил осинový листок,
Что на дубу дрожал.

Но тот осинový листок
Сильней затрепетал.
— Твой путь далек, твой путь далек, —
Чуть слышно прошептал.

— Иди куда глаза глядят,
Куда несет порыв.
— Мои глаза давно летят
На Керченский пролив.

И подхватил его порыв
До керченских огней.
Упала тень через пролив,
И он пошел по ней.

Но прежде чем на синеву
Опасную шагнуть,
Спросил народную молву:
— Скажи, далек ли путь?

— Ты слишком юн, а я стара,
Господь тебя спаси.
В Крыму стоит Сапун-гора,
Ты у нее спроси.

Весна ночной миндаль зажгла,
Суля душе звезду,
Девине — страсть и зеркала,
А юноше — судьбу.

Полна долина под горой
Слезами и костями.
Полна долина под горой
Цветами и детьми.

Собирают в чашечках свинец
Рои гремучих пчел.
И крикнул сын: — Где мой отец?
Я зреть его пришел.

Гора промолвила в ответ,
От старости кряхтя:
— На полчаса и тридцать лет
Ты опоздал, дитя.

Махни направо рукавом,
Коли таишь печаль.
Махни налево рукавом,
Коли себя не жаль.

По праву сторону махнул
Он белым рукавом.
Из вышины огонь дохнул
И грянул белый гром.

По леву сторону махнул
Он черным рукавом.
Из глубины огонь дохнул
И грянул черный гром.

И опоясалась гора
Ногтями — семь цепей.
Дохнуло хриплое «ура»,
Как огонь из-под ногтей.

За первой цепью смерть идет
И за второю смерть,
За третьей цепью смерть идет
И за четвертой смерть,

За пятой цепью смерть идет
И за шестою смерть,
А за седьмой — отец идет,
Сожжен огнем на треть.

Гора бугрится через лик,
Глаза слезит свинец.
Из-под ногтей дымится крик:
— Я здесь, я здесь, отец!

Гора промолвила в ответ,
От старости свистя:
— За полчаса и тридцать лет
Ты был не здесь, дитя.

Через военное кольцо
Повозка слез прошла.
Но потеряла колесо
У крымского села.

Во мгле четыреста солдат
Лежат — лицо в лицо.
И где-то тридцать лет подряд
Блуждает колесо.

В одной зажатые горсти
Лежат — ничто и всё.
Объяла вечность их пути,
Как спицы колесо.

Не дуб ли на поле сронил
Листок свой золотой,
Сын буйну голову склонил
Над памятной плитой.

На эту общую плиту
Сошел беззвездный день.
На эту общую плиту
Сыновья пала тень.

И сын простер косую длань,
Подобную лучу.
И сын сказал отцу: — Восстань!
Я зреть тебя хочу...

Остановились на лету
Хребты и облака.
И с шумом сдвинула плиту
Отцовская рука.

Но сын не слышал ничего,
Стоял как в сумрак день.
Отец нащупал тень его —
Отяжелела тень.

В земле раздался гул и стук
Судеб, которых нет.
За тень схватились сотни рук
И выползли на свет.

А тот, кто был без рук и ног,
Зубами впился в тень.
Повеял вечный холодок
На синий божий день.

Шатало сына взад-вперед,
Он тень свою волок.
— Далек ли путь? — пытал народ.
Он отвечал: — Далек.

Он вел четыреста солдат
До милого крыльца.
Он вел четыреста солдат —
И среди них отца.

— Ты с чем пришел? — спросила мать.
А он ей говорит:
— Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.

И встала верная жена
У тени на краю.
— Кто там? — промолвила она.—
Темно. Не узнаю...

— Кто там? — твердит доньне мать.
А сын ей говорит:
— Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит...

— Россия-мать, Россия-мать,—
Доньне сын твердит,—
Иди хозяина встречать,
Он под окном стоит.

1974

* * *

Глядишь на небо в час ночной.
Скажи, о чем твой вздох глухой?
Кого любил, того забудь,—
Того насквозь прошел твой путь.
Рожденный женщиной земной,
Ты не заметил ничего,
Что стоит взгляда одного
На эти звезды в час ночной...

1974

ЗАВЕЩАНИЕ

I

Мне помнится, в послевоенный год
Я нищего увидел у ворот —
В пустую шапку падал только снег,
А он его вытряхивал обратно
И говорил при этом непонятно.
Вот так и я, как этот человек:
Что мне давалось, тем и был богат.
Не завещаю — отдаю назад.

II

Объятья возвращаю океанам,
Любовь — морской волне или туманам,
Надежды — горизонту и слепцам,
Свою свободу — четырем стенам,
А ложь свою я возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.

Кровь возвращаю женщинам и нивам,
Рассеянную грусть — плакучим ивам,
Терпение — неравному в борьбе,
Свою жену я отдаю судьбе,
А свои планы возвращаю миру.
В тени от облака мне выройте могилу.

Лень отдаю искусству и равнине,
Пыль от подошв -- живущим на чужбине,
Да возымеет сказанное силу
В тени от облака...

1974

БАЛЛАДА О СТАРШЕМ БРАТЕ

Он взял чемодан из фанеры
И самый дешевый билет.
Где-то на Сахалине
Канул на много лет.

Шляпу надел. Утратил
Провинциальный стыд.
Как соловей-разбойник,
Зуб золотой блестит.

Невеста и мать увяли,
Когда он богатым стал.
А младший брат отвернулся,
Поскольку ворон считал.

И вот в дорогом вагоне
За дорогой билет
Назад старший брат отпрянул,
Смотрит — а дома нет.

Душа перед ним возникла
Угасшая, как закат.
— Тьфу, тьфу, — через зуб он сплюнул, —
А где же мой младший брат?

— Не знаю... — в ответ услышал. —
Но я у тебя одна.
— Я взял бы тебя с собою,
Но женщина — не верна.

Он свистнул друзей забытых —
Залаяли псы на свист.
Навстречу никто не вышел,
И в воздухе свист повис.

Он шляпу свою оставил
И зуб золотой загнал.
Еле наскреб на дорогу,
Скверней которой не знал.

Прошла седина сквозь годы.
Забылся он странным сном,
Что разгребает щебень
Там, где стоял их дом.

Хватил каблуком о землю.
— Куда меня черт занес! —
И, вихрь подымая, поезд
Обратно его повез.

Он ехал. Но путь обратный
Такой получил разгон,
Что с воем и свистом мимо
Промчался его вагон.

Да! С воем и свистом мимо
Промчался его вагон.
Успел он заметить женщину,
В которую был влюблен.

Едва он успел заметить
Вернейшую из теней,
Ее отшвырнуло вихрем,
И он позабыл о ней.

На мысли о младшем брате
Себя он хотел поймать...
Но правду о младшем брате
Вам еще рано знать.

1974

ДЕТСКОЕ ПРИЗНАНИЕ

На хворостине я въехал на гору Парнас,
Слышал Гомера, но тот оборвал свой рассказ.

Это молчанье стоит до сих пор на земле.
— Дать ему слово! — сказал чей-то голос во мгле.

Тут хворостина возьми и заржи — в ассонанс
Ей по ошибке откликнулся сонный Пегас.

— Скучное время, — поморщился Гете и встал,
Взял хворостину и ею меня отстегал.

1974

* * *

Пошла ты по красному лету
И встретила вихрь столбовой.
Блуждал он по белому свету,
А ты ему крикнула: стой!

За эту великую дерзость
Понес он тебя кувырком.
Морщинами тело изрезал
И волосы спутал клубком.

С обрывками старой газеты
И с пылью в холодном краю
Смешал и развеял по свету
Он детскую душу твою.

1974

ПОСЕЩЕНИЕ

Гитара-балалайка,
Победная струна.
Достань гостям, хозяйка,
Зеленого вина.
Я топну, перетопну
С пятки на носок.
Я хлопну, перехлопну
Запад о восток.
Пускай шумит хозяин,
Пустая трын-трава.
Ребята, мы гуляем
До самого утра.
А чтобы спозаранку
Не шибко горевать,
Мы старую гулянку
Не станем продлевать.
А головой качнем
И новую начнем.
Мы топнем, перетопнем
С пятки на носок.
Мы хлопнем, перехлопнем
Запад о восток.

1974

* * *

За дорожной случайной беседой
Иногда мы любили блеснуть
То любовной, то ратной победой,
От которой сжимается грудь.

Поддержал я высокую марку,
Старой встречи тебе не простил.
И по шумному кругу, как чарку,
Твое гордое имя пустил.

Ты возникла, подобно виденью,
Победителю верность храня.
— Десять лет я стояла за дверью,
Наконец ты окликнул меня.

Я глядел на тебя не мигая.
— Ты продрогла... — и выпить велел.
— Я дрожу оттого, что нагая,
Но такую ты видеть хотел.

— Бог с тобой! — и махнул я рукою
На неполную радость свою.—
Ты просила любви и покоя,
Но тебе я свободу даю.

Ничего не сказала на это —
И мгновенно забыла меня.
И ушла по ту сторону света,
Защищаясь рукой от огня.

С той поры за случайной беседой,
Вспоминая свой пройденный путь,
Ни любовной, ни ратной победой
Я уже не пытаюсь блеснуть.

1975

ЛЮБОВЬ ГУЛЛИВЕРА

Когда я протоптал гигантскую дорогу
До крохотных существ, —
«Замри! — сказал мне гром. —
Не стоит нагонять на этот мир тревогу...»
И поразил меня гигантским забытьем.

Отважная княжна, поджав капризно губки,
По моему лицу гуляла без забот.
И, ручкой приподняв бесчисленные юбки,
Поток моей слезы переходила вброд.

Порхали башмачки иль звездные голубки,
Иль это ворковал и веял поцелуй?..
Я приоткрыл глаза — и вспыхнули все юбки,
И дым чужих небес скатился по лицу.

1975

* * *

Когда кричит ночная птица,
Забывшим ужасом полна, —
Душа откликнуться боится:
Она желает быть одна.

Но дико слышать ей от века
Рыданье ветра, хриплый вой
И принимать за человека
Дорожный куст, объятый мглой.

1975

ДУБ

То ли ворон накликал беду,
То ли ветром ее насквозило,
На могильном холме — во дубу
Поселилась нечистая сила.

Неразъемные кольца ствола
Разорвали пустые разводы.
И нечистый огонь из дупла
Обжигает и доли и воды.

Но стоял этот дуб испокон,
Не внимая случайному шуму.
Неужель не додумает он
Свою лучшую старую думу?

Изнутри он обглодан и пуст,
Но корнями долину сжимает.
И трепещет от ужаса куст
И соседство свое проклиняет.

1975

ХОЛМ

Я видел: ворон в небесах
Летел с холмом земли в когтях.

Не дом ли мой блеснул на нем,
Скрываясь в небе голубом?

А с неба сыпалась земля
На ослепленные поля.

И наугад по шуму крыл
Я тень высокую ловил.

1975

* * *

Выходя на дорогу, душа оглянулась:
Пень иль волк, или Пушкин мелькнул?
Ты успел промотать свою чистую юность,
А на зрелость рукою махнул.

И в дыму от Москвы до Каспийского моря
Загулял ты, как бледная смерть...
Что ты, что ты узнал о родимом просторе,
Чтобы так равнодушно смотреть?

1975

* * *

Гулом, криками площадь полна,
Там качает героя толпа.
Он взлетает в бездонное небо.
Посулил ли он вечного хлеба,
Иль дошел до предела в числе,
Иль открыл, что нас нет на земле?..

Выше, выше! Туда и оттуда!..
Но зевнула минута иль век —
И на площади снова безлюдно...
И в пространстве повис человек.

1975

ПЕСНЯ

Справа поле с кругами трамвая,
Слева море с бегущей стопой.
У того и у этого края
Ты хотела остаться собой.

Привязал он тебя горевую
И ушел за бегущей стопой.
Но цепочку его золотую
Ты пилила неверной пилой.

И визжала она, и скрипела,
Высекая золотые струи.
Чтобы он не расслышал, ты цела
О земной и небесной любви.

Лейся, песня заветная, лейся
На опасную эту струю.
Все простит он за чистую песню
И на том, и на этом краю.

1976

ПОСЛЕДНИЙ ЭМИГРАНТ

Не ангелы падали с неба,
Не воды попятно неслись,—
Печальное облако пепла
Тянулось от дальних границ.

Последнюю просьбу на свете
До наших болот донесло:
— Сожгите меня после смерти
И пеплом набейте жерло.

Направьте на волю и землю,
На старый крыжовник и пруд.
Прошу, моему пораженью
Отдайте последний салют.

1976

ОЗЕРО

И снится мне озеро... Долго смотрю
На столп вознесенной воды:
То озеро ниже дремоту мою
На пыль от туманной звезды.

За озером тянется серая степь,
За степью — синеющий лес,
За лесом — отвесная горная цепь,
А дальше — простор без небес.

1976

ДВОЙНИК

Только солнце с востока взойдет,
Тут же с запада всходит другое.
Мы выходим из разных ворот,
Каждый тень за собою ведет,
И моя, и твоя — за спиною.

Мы сошлись, как обрыв со стеной,
Как лицо со своим отраженьем,
Как два лезвия бритвы одной,
Как рожденье со смертью самой,
Как великая слава с забвеньем.

Тучи с небом на запад летят,
На восток покачнулись деревья.
Наши тени за нами стоят,
Не сливаясь,

и бездны таят,

А меж нами не движется время.

1976

ЗАВЕТ

Со дна морского камень всплыл,
Привязанный к ногам
Того, кто душу погубил
По мировым углам.

Прямой дороге предпочел
Бегущую волну.
В пути опоры не нашел
И канул в глубину.

Твои слова, родная мать,
Нашли его на дне:
«Когда я буду умирать,
Ты вспомни обо мне».

В морской пустыне он стоял
На камне гробовом.
И долго руки простирает
За синий окоем.

1976

* * *

Ты не стой, гора, на моем пути.
Добру молодцу далеко идти.

Не мешай ногам про себя шагать,
Не мешай рукам про себя махать.

Говорит гора: — Смертный путь един.
До тебя прошел растаковский сын.

Сковырнул меня изо всей ноги,
Отмахнул меня изо всей руки.

— Не мешай,— сказал,— про себя шагать,
Не мешай,— сказал,— про себя махать.

Не ищу я путь об одном конце,
А ищу я шар об одном кольце.

Я в него упрусь изо всей ноги,
За кольцо схвачусь изо всей руки.

Мать-Вселенную поверну вверх дном,
А потом засну богатырским сном.

1976

* * *

Ты зачем полюбила поэта
И его золотые слова?
От высокого лунного света
Закружилась твоя голова.

Ты лишилась земли и опоры.
Что за легкая тяга в стопе?
И какие открыло просторы
Твое тело и в нем, и в себе?

Он хотел свою думу развеять,
Дорогое стряхнуть забытье.
Он сумел небесами измерить
Свой полет и паденье твое.

И небрежным движеньем поэта
Он накинуд на плечи твои
Блеск тончайшего звездного света
От прощального слова любви.

Что-то будет: огонь или солнце?
Заметет вас полынь-мурава.
Ты заплачешь, а он отзовется
На свои золотые слова.

1977

СЕВЕРНАЯ БЫЛЬ

Он жил среди оленьих стад,
Не ведая о мире.
Неслась упряжка, как раскат
По необъятной шири.

Но мир ему построил дом —
Кругом паркет и стены.
И он глядел открытым ртом
На эти перемены.

Ему не спится... За окном
То вой, то хохот слышен.
И прорубил он топором
Дыру в широкой крыше.

Расчистил верную долонь
От мелкого паркета.
Поставил чум и вздул огонь,
И задремал до лета.

«Струись, струись, мой дух, во мгле...» —
Он повторял все тише.
...Вот что бывает на земле,
А может быть, и выше.

1977

РАСПУТЬЕ

Поманила молодость и скрылась.
Ночь прозрачна, дума тяжела.
И звезда на запад покатилась,
Даль через дорогу перешла.

Не шумите, редкие деревья,
Ни на этом свете, ни на том.
Не горите, млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.

Через дом прошла разрыв-дорога,
Купол неба треснул до земли.
На распустье я не вижу бога.
Славу или пыль метет вдали?..

Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Все равно на свете не остаться.
Я пришел и уйду один.

Прошумели редкие деревья
И на этом свете, и на том.
Догорели млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.

1977

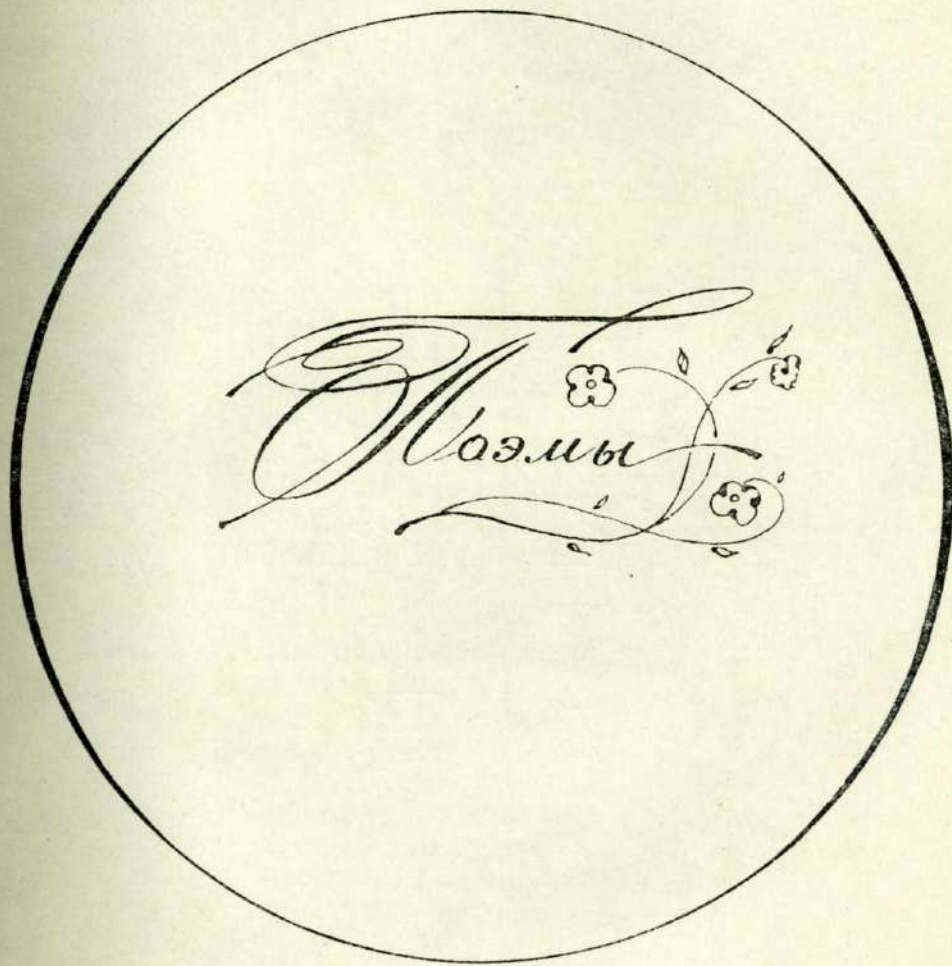
* * *

На темном склоне медлю, засыпая,
Открыт всему, не помня ничего.
Я как бы сплю — и лошадь голубая
Встает у изголовья моего.

Покорно клонит выю голубую,
Копытом бьет, во лбу блестит огонь.
Небесный блеск и гриву проливную
Я намотал на крепкую ладонь.

А в стороне, земли не узнавая,
Поет любовь последняя моя.
Слова зовут и гаснут, изнывая,
И вновь звучат из бездны бытия.

1977

ЗОЛОТАЯ ГОРА

Не мята пахла под горой
И не роса легла,
Приснился родине герой.
Душа его спала.

Когда душа в семнадцать лет
Проснулась на заре,
То принесла ему извет
О золотой горе:

— На той горе небесный дом,
И мастера живут.
Они пируют за столом,
Они тебя зовут.

Давно он этого желал —
И кинулся как зверь.
— Иду! — он весело сказал.
— Куда? — спросила дверь.

— Не оставляй очаг и стол.
Не уходи отсель,
Куда незримо ты вошел,
Не открывая дверь.

За мною скорбь, любовь и смерть,
И мира не обнять.
Не воздыми руки на дверь,
Не оттолкни, как мать.

— Иду! — сказал он вопреки
И к выходу шагнул.
Не поднял он своей руки,
Ногою оттолкнул.

Косым лучом насквозь прошел
Простор и пустоту.
В тени от облака нашел
Тяжелую плиту.

Холодный мох с плиты соскреб,
С морщин седых стихов:
«Направо смерть, налево скорбь,
А супротив любовь».

— Хочу! — он слово обронил.—
Посильное поднять,
Тремя путями этот мир
Рассечь или обнять.

Стопа направо повела,
И шел он триста дней.
Река забвения легла,
Он вдоль пошел по ней.

Река без тени и следа,
Без брода и мостов —
Не отражала никогда
Небес и облаков.

И червяка он повстречал,
И наступил ногой.
— Куда ползешь? — Тот отвечал:
— Я червь могильный твой.

На счастье взял он червяка
И пронизал крючком.
Закинул. Мертвая река
Ударила ключом.

И леса взвизгнула в ответ
От тяги непростой.
Но он извлек на этот свет,
Увы, крючок пустой.

Не сатана сорвал ли злость?
В руке крючок стальной
Зашевелился и пополз
И скрылся под землей.

Он у реки хотел спросить,
Кого он встретит впредь.
Но та успела позабыть
И жизнь его и смерть.

Он вспять пошел и мох соскреб
С морщин седых стихов
И прочитал: «Налево скорбь,
А супротив любовь».

Стопа налево повела,
И шел шестьсот он дней.
Долина скорби пролегла,
Он вширь пошел по ней.

Сухой старик пред ним возник,
Согбенный, как вопрос.
— Чего хватился ты, старик,
Поведай, что стряслось?

— Когда-то был мой дух высок
И страстью одержим.
Мне хлеба кинули кусок —
Нагнул я за ним.

Мое лицо не знает звезд,
Конца и цели — путь.
Мой человеческий вопрос
Тебе не разогнуть.

А на пути уже блистал
Великий океан,
Где сахар с берега бросал
Кусками мальчуган.

И спросил он, подойдя,
От брызг и соли пьян:
— Ты что здесь делаешь, дитя?
— Меняю океан.

Безмерный подвиг или труд
Прости ему, отец,
Пока души не изведут
Сомненья и свинец.

Дай мысли — дрожь, павлину — хвост,
А совершенству — путь...
Он повстречал повозку слез —
И не успел свернуть.

И намоталась тень его
На спицы колеса.
И тень рвануло от него,
А небо — от лица.

Поволокло за колесом
По стороне чужой.
И изменился он лицом,
И восскорбел душой.

На повороте роковом
Далекого пути
Отсек он тень свою ножом:
— О верная, прости!

Он тенью заплатил за скорбь
Детей и стариков.
Подался вспять и мох соскреб:
«А супротив любовь».

Но усомнился он душой
И руку опустил
На славы камень межевой
И с места своротил.

Открылся чистым небесам
Тугой клубок червей.
И не поверил он глазам
И дерзости своей.

Из-под земли раздался вздох:
— Иди, куда идешь.
Я сам запутал свой клубок,
И ты его не трожь.

Ты всюду есть, а я нигде,
Но мы в одном кольце.
Ты отражен в любой воде,
А я — в твоём лице.

Душа без имени скорбит.
Мне холодно. Накрой.—
Он молвил: — Небом я накрыт,
А ты моей стопой.

Дней девятьсот стопа вела,
Пыль супротив он мёл.
Глухая ночь на мир легла,
Он наугад пошел.

Так ходит запад на восток,
И путь необратим.
От мысли он огонь возжег.
Возникла тень пред ним.

— Ты что здесь делаешь? — Люблю,—
И села у огня.
— Скажи, любовь, в каком краю
Застигла ночь меня?

— На полпути к большой горе,
Где плачут и поют.
На полпути к большой горе,
Но там тебя не ждут.

В тумане дрогнувшей стопе
Опоры не найти.
Закружат голову тебе
Окольные пути.

— Иду! — он весело сказал
И напролом пошел.
Открылась даль его глазам —
Он на гору взошел.

Не подвела его стопа,
Летучая, как дым.
Непосвященная толпа
Восстала перед ним.

Толклись различно у ворот
Певцы своей узды,
И шифровальщики пустот,
И общих мест дрозды.

Мелькнул в толпе воздушный Блок,
Что Русь назвал женой,
И лучше выдумать не мог
В раздумье над страной.

Незримый сторож ограждал
Странноприимный дом.
Непосвященных отражал
То взглядом, то пинком.

Но отступил пред ним старик.
Шла пропасть по пятам.
— Куда? А мы? — раздался крик.
Но он уже был там.

Увы! Навеки занемог
Торжественный глагол.
И дым забвенья заволок
Высокий царский стол.

Где пил Гомер, где пил Софокл,
Где мрачный Дант алкал,
Где Пушкин отхлебнул глоток,
Но больше расплескал.

Он слил в одну из разных чаш
Осадок золотой.
— Ударил поздно звездный час,
Но все-таки он мой!

Он пил в глубокой тишине
За старых мастеров.
Он пил в глубокой тишине
За верную любовь.

Она откликнулась как медь,
Печальна и нежна:
— Тому, кому не умереть,
Подруга не нужна.

На высоте твой звездный час,
А мой — на глубине.
И глубина еще не раз
Напомнит обо мне.

1974

ДОМ

1. Тихий Зарев

На Рязани была деревушка.
В золотые глубокие дни
Залетела в деревню кукушка —
Скромный Филя возьми да взгляни.
А она говорит: — Между сосен
Полетаем, на мир поглядим,
И детей нарожаем и бросим,
На край света с тобой улетим.
О дороге, о жизни, о смерти
Поведем мы потешный рассказ.
Будут слушать нас малые дети,
Мудрецы станут спорить о нас. —
Думу думал Филипп — что за птица?
Взял ружье да ее пристрелил.
Стали сны нехорошие сниться,
Помечтал он и хату спалил.
При честном любопытном народе
Свою душу не стал он смущать.
Поглядел — куда солнце заходит —
И подался край света искать.

Две войны напустили тумана,
Слева сабли, а справа обрыв.
Затянулась гражданская рана,
Пятилетка пошла на прорыв.
Был бы Филя находкой поэта,
Да построил он каменный дом
И завел он семью... а край света —
На Руси он за первым углом.

*

Два сына было у отца —
Удалый и дурак.
Увы, не стало храбреца,
Бывает в жизни так.
И слух неясный, как туман,
Поведал эту грусть,
Что за свободу дальних стран
Он пал со словом: Русь!
Семья сходилась за столом,
И жечь отец велел
Свечу на месте дорогом,
Где старший сын сидел.
Бросала редкий свет она
На стол и образа.
То глупость младшего видна,
То матери слеза.
Недолго младший сын гадал,
Раздался свист друзей,
Уехал, и в Москве пропал
По глупости своей.
Была ль причиной дама пик,
Иль крепкое вино,
Или свалившийся кирпич —
Теперь уж все равно.

«Вертайся, сын... У нас темно», —
Писал в письме отец.
Нераспечатанным оно
Вернулось наконец.
На нем (в окне померкнул свет!)
Стремительной подошвы
Запечатлелся пыльный след,
На облако похожий.
Знать, наугад одной ногой
Попал глупец сюда,
А в пустоту шагнул другой —
И сгинул навсегда.
Еще свечу!.. На две версты
Сильнее свет пошел.
Как от звезды и до звезды,
Между свечами стол.
И два живых лица в ночном,
Два в сумраке ночном.
И скорбь застыла на одном,
А мука на другом.
И этой муки не могла
Родная превозмочь.
О, далеко она ушла!
И наступает ночь.
О чем, о чем он говорит,
Один в ночном доме?
Еще — одна свеча горит.
О, как светло ему!

Горели три большие зги,
И мудрость в том была.
Казалось, новую зажги —
И дом сгорит дотла.

Старик умел считать до трех,
И мудрость в том была.
Не дай и вам до четырех,
Четыре — это мгла.
Когда о жизни говорят
И речь бросает в дрожь,
Три слова правильны подряд,
А остальные ложь.
Единство только трем дано,
И крепость им дана.
Три собеседника — одно,
Четвертый — сатана.
Три слова только у любви,
А прочие излишек.
Три раза женщину зови,
А после не услышит.
С распутия старых трех дорог
По родине несется
Тот богатырский русский вздох,
Что удалью зовется.

Влетали бабочки из мглы
И шаркали о боль.
Клубились, бились об углы
Огневки, совки, моль.
Бросали свечи вперемиг
Три исполинских тени.
Троился сумрачный старик —
Спиной к моей поэме.

Оставь дела, мой друг и брат,
И стань со мною рядом.
Даль, рассеченную трикрат,
Окинь единым взглядом.

Да воспарит твой строгий дух
В широком чистом поле!
Да поразит тебя, мой друг,
Свобода русской боли!
Зарытый в розы и шипы,
Спит город Тихий Зарев —
Без ресторана, без толпы,
Без лифта и швейцаров.
Над ним в холодной вышине
Пылают наши звезды,
Под ним в холодной глубине
Белеют наши кости.
Косматый Запад тучи шлет,
Восток — сухую пыль.
И запах мяты ноздри жжет,
В ушах шумит ковыль.
В нем жили птицы и жуки,
Собаки и трава,
Стрекозы, воздух, пауки,
Цветы и синева.
Летели мимо поезда
И окнами смеялись.
Шла жизнь, но люди, как вода
В графине, не менялись.

Московский поезд! Тишина.
Неслышно вышли трое:
Мужчина, женщина — она
С ребенком. Стороною
Повеял ветер и затих,
Была заря пустынна.
— Вот дом родителей моих! —
И дверь толкнул мужчина.

Спина. Ночное существо
На бледном полусвете.
— Как жизнь, родитель?

— Ничего,—

Ему старик ответил.

Что в этом слове «ничего» —
Загадка или притча?
Сквозит Вселенной из него,
Но Русь к нему привычна.
Неуловимое всегда,
Наношенное в дом,
Как тень ногами, как вода
Дырявым решетом.
Оно незримо мир сечет,
Сон разума тревожит.
В тени от облака живет
И со вдовой на ложе.
Преломлены через него
Видения пустыни,
И дно стакана моего,
И отблеск на вершине.
В науке след его ищи
И на воде бегущей,
В венчальном призраке свечи
И на кофейной гуще.
Оно бы стерло свет и тьму,
Но... тайна есть во мне.
И с этим словом ко всему
Готовы на земле.

— Иван! — опомнился старик,
Не видя никого.
Пред ним ли старший сын стоит
Или сморгнул его.

— Я не один,— сказал Иван,—
Жена и сын.

— Откуда?..—

Пришел ли гул далеких стран
На родину, как чудо?

Старик не мог судьбы понять,
Стоял и грезил ими.

— Мария! Дочка! Дай обнять...
А это кто?

— Владимир.

Итак, Владимир... Мысль спешит
О нем сказать заране.
Пространство эпоса лежит
В разорванном тумане.
К чему спешить? В душе моей
Сто мыслей на весу.
У каждой мысли сто путей,
Как для огня в лесу.
Во мне и рядом — тишина,
Огни и повороты.
Душа темна, душа полна
Трагической дремоты.

Пустынный стол гостей не ждал,
Старик нарезал хлеба.

— А ты свободу людям дал?

— Нет, но открыл им небо.

Бегущий мальчик на дворе!..
О детство, не спеши.
Как шелест листьев на траве,
Простая жизнь души.

Владимир искрою бежал
Поверх цветочной пены.
И шелест листьев возвышал
Угрюмый слух поэмы.
Сиял травы зеленый свод,
Смыкались облака,
Цикады час, кукушки год
И ворона века.

Петух свои хвалы кричал
Шесту и небесам.

— Который час?..—

Старик ворчал

И подходил к часам.
Он щупал стрелки, циферблат,
Не видя цифр уже.
Глухой эпический раскат
Боль порождал в душе.
Старинный бой, поющий хрип
Дом изнутри заполнил.
«Чу, время, чу!» — махал старик,
И это внук запомнил.

Пространный крик кукареку,
В нем слышен скрип цикады,
Кукушки дальнее ку-ку
И ворона раскаты,
И треск отсохшего сучка,
И промысел органа,
И боль согбенного смычка,
И рокот океана.
Зеркален крик, зеркален крик,
Вот новое мышление!

Девичий смех, предсмертный хрип
Находят выраженье.
В нем кровь и радость, мрак и гул,
Стихия и характер,
Призыв на помощь: караул!
И пение проклятий.
Сорви покров с расхожих мест —
И обнажится дно.
Сарынь на кичку, круг и крест
Заголосят одно.

— Часы! — раздался в доме крик.—

Часы остановились! —

Руками вдаль глядел старик —

Концы ногтей слезились.

Роилась бабочка в окне

Неизгладимым звуком.

Ребенок гордо в стороне

Стоял с кленовым луком.

Иван вошел и кинул взгляд:

Из часовой тарелки,

Пронзив кинжально циферблат,

Торчали обе стрелки.

— Зачем ты делал это зло? —

Спросил у мальчугана.

— Я не хотел, чтоб время шло! —

Ответ потряс Ивана,

И он задумчиво сказал:

— Не знаю, он из добрых.—

(И головою покачал.) —

Но это был бы подвиг —

Мир сделать вечным. Да, малыш,

Хотел добра ты, верю.

Но этим смерть не отразишь,
И грань уже за дверью.

Старик с постели встал чуть свет —
Земле отдать поклон.
С крыльца взглянул на белый свет,
А воздух раздвоен.
Земная даль рассечена,
И трещина змеится;
Цветами родина полна,
Шипеньем — заграница.
«Мир треснул», — Гамлет говорил.
Он треснул наяву
Через улыбку и ковыль,
Сарказм и синеву.
Через равнину и окно
Пролег двоящий путь,
Через пшеничное зерно,
Через девичью грудь.
Разрыв прошел через сады
И осень золотую,
И с яблонь падают плоды
В ту трещину глухую.

Мне снилась юность и слова...
Но старику не спится.
Дрожит седая голова,
Как ветвь, с которой птица
В небесный канула простор,
А та еще трясется...
Однажды вышел он во двор
И не увидел солнца.
— Иван, где солнце? — прохрипел. —
Али я встал стемна? —

Солдат на солнце поглядел.
— Отец, отец, война!

Старик сказал: — Мне снился сон,
Я видел Русь с холма:
С Востока движется дракон,
А с Запада чума. —
Дубовый лист, трава-ковыль
Ответили ему:
— Восточный ветер гонит пыль,
А западный чуму.

Окно открыто на закат,
На дальнюю сосну.
Я вижу, вороны летят,
Не в ту ли сторону?
Европа! Старое окно
Отворено на Запад.
Я пил, как Петр, твое вино —
Почти античный запах.
Твое парение и вес,
Порывы и притворства,
Английский вкус, французский блеск,
Немецкое упорство.
И что же век тебе принес?
Безумие и опыт.
Быть иль не быть — таков вопрос,
Он твой всегда, Европа.
Я слышу шум твоих шагов.
Вдали, вдали, вдали
Мерцают язычки штыков.
В пыли, в пыли, в пыли
Ряды шагающих солдат,
Шагающих в упор,

Которым не прийти назад,
И кончен разговор!

Пускай идут, пускай идут
В твоей, о Русь, пыли.
Они всегда с тебя возьмут,
Что тень берет с земли,
Что решето с воды берет,
Что червь берет с небес.
Народ и ненависть, вперед!
Чуме наперерез.

Дым тихой родины скорбит,
Боярышник застлав.
Состав на станции стоит,
Закрашенный состав.
Сквозь город — был подобен он
Слезящейся скале —
Толпа струилась на перрон.
В немыслимом числе
Мелькали головы, платки,
И речи не смолкали.
Текли, дробились ручейки —
И слезы в них стояли.
Мерцало скопище людей.
Стремглав ходил баян
Туда-сюда среди локтей:
Степанчиков Степан
«Калинку» матери играл,
Но та молчала странно.
Старик во тьму поцеловал
Безмолвного Ивана.
Жена заплакала. Прощай!

До смертного конца
Не опускай, не опускай
Прекрасного лица.
Не говори! Любовь горда!
Не унижай былого.
Пускай умру, но и тогда
Ни слова! О, ни слова.
Придет из вечной пустоты
Огромное молчанье,
И я пойму, что это ты...
Сдержала обещанье.

Гудок — и дрогнула скала,
Блеснул излом разлуки.
Текли глаза, глаза, глаза,
Струились руки, руки.
Махал перрон, махал состав,
В руках рука тонула.
От тесноты один рукав
Задрался — и мелькнуло
Стенанье — «Не забуду мать
родную!» — на руке.
Владелец выколол, видать,
В мальчишеской тоске.
Ответный вопль пронзил туман,
А чей — не разобрать.
Прощай, Степанчиков Степан!
Узнала руку мать.

Мелькали мимо поезда,
Гудя на поворотах, —
Туда-сюда, туда-сюда:
Так на конторских счетах
Костяшки мечет инвалид,
Ведя расход-приход:

Ушел, пришел, летит, лежит —
Контора знает счет.
Число, ты в звездах и в толпе!
Огонь сечешь и воду.
Сквозняк зеркал сокрыт в тебе...
Герой, скажи народу —
И слово тысячами лиц
Мгновенно распахнется.
«Назад ни шагу!» Этот клич
По родине несется.

Еще не вся глава, мой друг,
Одну черту, не боле.
О младшем сыне ходит слух,
Как перекасти-поле.
Закон не писан дураку,
А случай и судьба.
Состав, идущий на Баку,
Щелкнул его сюда.
— Отец! — он кликнул старика,
Шагая напрямик
Через забор.— Встречай — Лука.—
И задрожал старик.
Не голос чей ли прозвенел?
О, это голос редкий...
Иссохший ясень зеленел
Единственной веткой.
Лука вернулся наконец —
Скиталец недалекий!
И руки вытянул слепец.
— Ты где? —

А мир широкий.
Уж сын под ясенем стоит.
К нему навстречь пошел

И — обнял дерево старик,
И гладил долго ствол.
— Ты вырос, вырос, сосунок.
Ты вспомнил об отце.
Ты где гулял? Сынок, сынок...
Морщины на лице!

Он погулял, он погулял
У самой крутизны.
И тоже к дереву припал —
С обратной стороны.

2. Битва спящих.

Земля в огне, земля во мгле...
Фашизм приносит весть:
Нет воли к жизни на земле,
А воля к власти есть.
Восточный хаос не родит
Ни звезд, ни выших дум.
Добрыни нет, Обломов спит,
А Тюлин пропил ум.
Приказ велит: стереть славян,
Пространство распахать!
Шумит великий океан?
Прикладами прогнать!

Дороги дыбом. Скрип подвод.
Плач женщин, мгла небес.
Двоится блеск, излом ползет
На Северский Донец.
На том Донце ни лечь, ни встать,
Дома без глаз и стен.

Степан загнул: — Едрена мать! —
А Влас сказал: — Где плен?

Связной пришел среди огня —
Обугленная тень:
Стоять три ночи и три дня
И весь четвертый день.
И полк три ночи и три дня
И весь четвертый день
Стоял огнем среди огня
И превратился в тень.
Настала ночь...

Огонь и мрак

Змеились по полям.
Эх, закурить бы! А табак
С землюю пополам.
Табачный дым горчил как мед
Иль сон о санитарке.
Из тьмы ударил пулемет
На огонек сигарки —
Так мошкара на свет валит
И на огне сгорает.
А что за сила ей велит,
Ночная тварь не знает.
Есть эта тайна у живых,
Но людям не понять:
Какая сила тянет их
Друг друга убивать.

О человеке и земле
Бытует притча ныне:
Стрелял четырежды во мгле
Стоящий на равнине.

В четыре стороны земли
Ушли четыре пули,
Однако цели не нашли
И землю обогнули.
Ждала удача молодца...
Но все четыре пули
Пришли с обратного конца
И круг на нем замкнули.
Упал герой и нелюдим
И счеты свел со светом...
Земля одна и ты один,
Не забывай об этом.
Курится кладбище, кресты,
Холмов нецелый ряд.
Блестит река, песок, кусты,
Размыты крыши хат.
Звезда последняя бледна.
Темнеют рвы по склону.
На полном фронте тишина...
Держите оборону,
Трофим Измestьев, Поздняков,
Степанчиков, Козьмин,
Ахтырский... черный блеск... Сивков,
Пол-Мустафы, Эмин...
Удар — по склону навскосок
Свинцовый блеск, туман.
Во рту, в ушах, в глазах песок...

*

В шкафу звенит стакан.
Удар — и содрогнулся дом,
Стены как не бывало.

Не наяву и не в бреду
Залитые слезами.
Что снилось им? Какой фантом
Шел поперек дороги?
Блеснул Ивану темный дом,
Мария на пороге.
У края платя сын мигал,
Как отблеском свеча,
И мать из мрака высекал,
«Ты где?» — отцу крича.
Иван вперед бежал сквозь дым,
Уже сошлись в штыки.
Жена сияла перед ним —
Из-под ее руки
Он бил штыком...

Хрипенье, стон,
Уж четверым не встать.
Сошел на них огромный сон,
Что дважды два есть пять.
Как тьма разодраны уста.
— Ура! — гремит по краю.
— За нашу Родину! За Ста...
— Степан, ты жив?

— Не знаю.—
Степану снился беглый сон:
Он над водой возник,
Поток отбрасывает вон
Его упавший лик.
Степану снилась глубина,
Недвижная веками.
Но ускользала и она,
С луной и облаками.
Мелькала тьма со всех сторон,
Приклад горел в ладони...

Трофиму снился хмурый сон:
Он спит в горящем доме.
Огонь струится по глазам,
Жены нет рядом — дым.
А он кричит глухим стенам:
— Проснитесь! Мы горим! —
Бежал как тень среди смертей,
Огня, земли и стали.
А слезы плачущих детей
Сквозь стены проступали.
Пространство бросить не дано,
В котором мы живем.
Объято вечностью оно,
Как здание огнем.
Долине снятся тополя,
Красавице — кольцо,
Устам — стакан, зерну — поля,
А зеркалу — лицо.
Врывалась в эти сны война,
И крови смрад, и пламя.
И та и эта сторона
Усеяна телами.

Не проходи, мой брат, постой!
Еще дрожат их руки
И воздух тискают пустой,
Как грудь своей подруги.
Еще свободный дух скорбит
Над жизнью молодой.
Душа мечтателя стоит,
Как цапля над водой.

На солнце танк горит пятном.
Скатился камень жгучий —

Танкист, охваченный огнем,
Как дом травой ползучей.
Горел танкист средь бела дня,
И догорел танкист.
Переметнулся клочок огня
На прошлогодний скирд.
И мыши прыснули на свет —
Несметное число.
И дезертир за ними вслед,
Поскольку припекло.
И снова танки! Склон изрыт
Снарядами. Деревья
Бегут от ужаса. Горит
Окраина деревни.
Во тьме твоей, двадцатый век,
Не исследить печали!
В разбитом доме человек
Играет на рояле.
Так далеки от чистых нег
Военные печали.
С ума сошедший человек
Играет на рояле.
Один за всех иль против всех...
Уж стены запылали.
Полуубитый человек
Играет на рояле.
Удары сыплются вокруг —
И в клочья разметали.
Но кисти рук, но кисти рук
Играют на рояле...

Накрыл Ивана смертный дым...
И враг простер ладонь:

— Такой народ непобедим.
Но с нами бог... Огонь!

Пришло письмо на старый дом
Но черное, как снег,
Письмо изломное о том,
Что человека нет.
Ушел из мира человек,
Оставил солнцу тень,
Огню — туман, бродяге — снег,
А топору — кремень,
Осенней буре — листопад,
Долине — тишину,
Слезам — платок, звезде — закат,
Ночному псу — луну.

3. Зеркало.

Распахан танками Восток
И город Тихий Зарев.
Иван-да-марья жил цветок,
Осталась только Марья.
Во мгле оплакала она
Горячую разлуку.
И скоро солнце и луна
Позолотили муку.
Дом пустовал с того утра —
Угроза прихотлива.
Фугас окрестных три двора
Опустошил без взрыва.
А на стене, как божий свет,
Забрезжило зеркало.
Взорвется бомба или нет?
Но зеркало молчало.

Мелькали в зеркале века,
И плыл планетный шар,
Метель, холмы и облака,
Береза и анчар.
Кривой монгол, стальной тсвтон
Легли на нем слоями.
Повел на Родину масон
Огромными ноздрями.
И отразился декабрист,
И с топором студент,
Народоволец и марксист,
И тот интеллигент,
Перед которым, заблистав
В тумане золотом,
Возник изысканный жираф:
— Россия, твой фантом! —
Сошел Февраль, вскипел Октябрь
Гранеными зрачками.
Погнало пенистую рябь
По зеркалу клочками.
Уму и поиску ломоть
Продиктовал веленье:
Стране закон, идее плоть,
Искусствам направленье...
Страна в огне, страна во мгле,
Фашизм приносит весть:
Нет воли к жизни на земле,
А воля к власти есть.
Поразрешетился весьма,
Погнулся русский двор.
Мелькали галки сквозь дома,
А танки — сквозь забор.

Пришла соседка: — Ой, беда!
Я видела живьем,
Мертвец Иван идет сюда.
Он близко —

за холмом. —

Мария кинулась навстречь
Дорогой распростертой.
И полилась родная речь:
— Живой ты али мертвый?
Коли живой, то прикажи,
Чем утолить тебя?
А коли мертвый, то скажи,
Чем исцелить тебя?

— Не плачь, любезная жена!
Супруг бежал из плена.
Земля одна и ты одна,
И встреча сокровенна.
Опасный путь ему лежал.
Скрываясь от погони,
Он из-под Харькова бежал
С проводником в вагоне.
Где тот безвестный проводник —
Иван вослед не глянул.
Как тень в зеркале он возник
И тенью так и канул.

Иван сказал: — Молчи, жена.
Иван свое возьмет.
Подай зеленого вина —
Узнаю: жив аль мертв.
Не причитай — недолог срок,
Не тяжели души.
Но чтобы голос твой не смолк,
О сыне расскажи...

Блеснуло Марьино кольцо
Или на солнце камень —
Ударил в пыльное лицо
Далекий чистый пламень.
Иван прикрыл рукой глаза,
А во поле сверкает.
— Откуда свет — смотреть нельзя?
— То зеркало сияет.—

Из уцелевшей глубины
Невидимого дома
Оно сияло со стены
Покойно и бездонно.

— А ведь под зеркалом тайник,—
Сказал Иван.

— О боже!
Ты там взорвешься через миг...
— Иль позже. А надежней
На свете места не найдет
Сам черт наверняка.
Туда никто не подойдет...

Но подошел Лука.
Чихая, он залез в пролом.
— Эхма, пропала хата! —
Потрогал бомбу сапогом
И сел напротив брата.
— Пришел открыться как судьбе.
Прости меня, братан,
Я проболтался о тебе...
— Донес? — сказал Иван.
Лука вздохнул: — Я известил!..—
И тень его исчезла.

Эсэс огулом оцепил
Опасливое место.
— Пиши, Лука,— сказал эсэс,—
Такое: «Выходи,
Или твоим не жить!» Вот здесь,
Ребенку на груди.
— Хитро придумал, басурман,
Но крик подать не хуже.
— Письмо есть мистика, болван,
Оно приводит в ужас.

Сошла к Ивану тень в пролом.
— Владимир? Вот те на! —
А по Владимиру углем
Кривые письма.
Иван все понял: час настал,
Иному и не быть.
Ребенок мысли угадал
И медлил уходить.
— Отец, возьми, он был со мной,—
И протянул кинжал.
— Он... деревянный!

— Нет, стальной! —

Родитель задрожал.
Чужие слышались шаги,
Он деревяшку поднял.
— Святой простак... Побереги!—
Поцеловал и отдал.
Обочь фугас дремал в пыли..
Казалось, только тронь —
И полыхнет из-под земли
Спрессованный огонь.
— Я не хочу нисколько жить! —
Заплакал мальчик звонко

И стал о бомбу колотить...
О, кулачки ребенка!

Прощай, родная сторона!
Дай горсть от милой пыли.
Блеснула в зеркале спина,
Ивана уводили.
Не плачь, жена. Любовь горда!
Увидимся ли снова?
Но жизнь сказала: никогда!
Печально это слово.
К нему ключей не подобрать
И лбом не прошибить.
Умом упорным не понять,
Но сердцем не избыть.
Загадка сфинкса и числа,
Обмен или обман.
Оно для старости — скала,
Для юности — туман.
В нем слезы первые любви
И брачный стон наутро.
Напрасны жалобы твои,
Пришедший ниоткуда
Стоит раздумье на пути
Встревоженного духа,
Как будто бьется взаперти,
Стекла не видя, муха.
Пою народный монолит,
Отец, и внук, и сын.
Душа, как зеркало, глядит
На тусклый свет руин.
На землешцев и солдат
Великого народа,

Что развернули на закат
Фашистского уroda.
Ушел на запад шум шагов,
На край иной земли.
Померкли язычки штыков.
И вишни расцвели.

Был полк вином победы пьян
И верностью подруг.
Пришел Степанчиков Степан,
Но без обеих рук.
Пропали руки на войне.
Осталось от стенанья
На левой культе только «Не...»
— Вот образ отрицанья!

Победа! Сталин поднял тост.
Возник перед зеркалом.
«Я пью!..N» — ему он произнес —
И чокнулся бокалом.
И гром по свету разнесло.
Я видел Русь с холма:
Мария плакала светло,
И строились дома.
Поэма презирает смерть
И утверждает свет.
Громада времени, вперед!
Владимир, твой черед.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«Рожденный в феврале, под Водолеем...»	
Ю. Кузнецов	5
Поэт	9

Из ранних тетрадей

Пускай останется во мне...	13
Ночь в лесу	14
«Желтеет сурепка-разлука...»	15
«Обзакатились с яблони листья...»	16
«Оскудели родные степи...»	17
«Спеленал провода...»	18
На реке	19
«Отчего ты грустна, невеличка-синичка...»	20
Гроза в степи	21
«Надо мною дымится...»	22
Морская вода	23
«Впервые я встретился с девушкой...»	24
Богатство	25
«Я всматриваюсь в девушку...»	26
Плот	27
Песня	28
Черный хлеб	30
Начало	31
Наряд на кухню	33
Багульник	34
Связь даю	35
В карауле	36
Сон накануне учебной тревоги	37

«Вернусь на родину — суровый...»	38
«Я лежу на жестоком одре из досок...»	39
Бородач	40
Мечта	41
Бумажный змей	42
Последний вагон	43
«Не сняв ремней...»	45
Картинка 1945 года	46
Память	47
Слезы России	48
«Нынче молодость...»	50
«Что юность думать заставляет?..»	51
«Не выходят стихи...»	52
Поезд	53
«Как птицы, стаканы звенят...»	54
Глупый человек	55
Самовар	57
Волна	59
«Жара!..»	60
Звезда в горах	61
Провинциальный сюжет	62
Смутная мысль летом в горах	64
Вечный трамвай	65
Из детства	66
Прощание с Краснодаром	67

Путь

Раздумье	71
«Я любил ее чисто и строго...»	72
Отсутствие	73
«Звякнет лодка оборванной цепью...»	74
«Все сошлось в этой жизни и стихло...»	76
Атомная сказка	77
Грибы	78

Отцепленный вагон	79
«Женщина, о чем мы говорили!..»	80
Снег	81
Змеиные травы	82
Последние кони	83
Памяти космонавта	84
«И снился мне кондовый сон России...»	85
Стоящий на вершине	86
Отцу	87
«Не сжалится идущий день над нами...»	88
«Нет в городе весны...»	89
Полдень	90
Зной	91
Пчела	92
Осенний космос	93
Сотни птиц	94
Кактус	95
Муравей	96
«Скажи мне, о русская даль...»	97
Ветер	98
Любовь	99
Мужчина и женщина	100
Водолей	101
«Рябины куст. Размытые строенья...»	105
Мел	106
Горные камни	107
Родство	108
Завижу ли облако в небе высоком	109
Колесо	110
«Из земли в час вечерний, тревожный...»	111
Возмездье	112
«Твое тело я высек из света...»	113
«За сияние севера я не отдам...»	114
Востоку	115

«С бледным лицом возвращаюсь к законной жене...»	116
Хозяин разошедшегося дома	117
Елена	118
Дерево у железной дороги	119
Авось	120
«Когда песками засыпает...»	121
«Вчера я ходил по земле, а сегодня...»	122
Тридцать лет	123
«Я в поколенье друга не нашел...»	124
«Эта песня не нашего края...»	125
«На склоне вереск, крут обрыв...»	126
«О миг! Это камень проснулся...»	127
«В чистом поле гигант из земли возникал...»	128
«Его повесили враги...»	129
Возвращение	130
Цветы	131
Отец космонавта	134
«Надоело качаться листку...»	136
Склон	137
«Ты чужие слова повторяла...»	138
Чужая страсть	139
Баллада об ушедшем	140
«Орлиное перо, упавшее с небес...»	141
«Живу на одной половице...»	142
«Бывает у русского в жизни...»	143
Гимнастерка	144
Четыреста	145
«Глядишь на небо в час ночной...»	151
Завещание	152
Баллада о старшем брате	154
Детское признание	157
«Пошла ты по красному лету...»	158
Посещение	159
«За дорожной случайной беседой...»	160

Любовь Гулливера	162
«Когда кричит ночная птица...»	163
Дуб	164
Холм	165
«Выходя на дорогу, душа оглянулась...»	166
«Гулом, криками площадь полна...»	167
Песня	168
Последний эмигрант	169
Озеро	170
Двойник	171
Завет	172
«Ты не стой, гора, на моем пути...»	173
«Ты зачем полюбила поэта?...»	174
Северная быль	175
Распутье	176
«На темном склоне медлю, засыпая...»	177

Поэмы

Золотая гора	181
Дом	189

Кузнецов Ю. П.
К89 Стихи. М., «Сов. Россия», 1978.

224 с.

О Юрии Кузнецове в последние годы много говорят и спорят. Читательский интерес его стихи вызывают глубиной поэтических раздумий о нравственном бытии и духовных ценностях современности, новизной образного мышления, основанного на стремительно расширившихся в XX веке представлениях о Вселенной, и в то же время уходящего корнями в народные поэтические воззрения на природу. В книгу избранного вошли лучшие, наиболее характерные для поэта стихи и поэмы из четырех его поэтических сборников.

К 70402—194 133—78
М—105(03)78

P2

Юрий Поликарпович Кузнецов

СТИХИ

Художник *А. И. Добрицын*

Фото *Н. Г. Кочнева*

Редактор *С. В. Музыченко*

Художественный редактор *Э. А. Розен*

Технический редактор *Т. С. Маринина*

Корректоры *Л. В. Конкина и Н. Д. Бучарова*

Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирователе и корректирующем устройстве «Север». Подп. к печ. 8/XII-77 г.
Формат бум. 70×108¹/₃₂. Физ. печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 9,80. Уч.-изд. л. 6,15.
Изд. инд. ЛХП-61, А07165. Тираж 25.000 экз. Бум. № 1 типогр. Цена 75 коп.
Зак. № 437.

ИБ № 1237

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, проезд Сапунова, д. 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

~~75~~ К.

0.70

А. Р.
П 2

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ